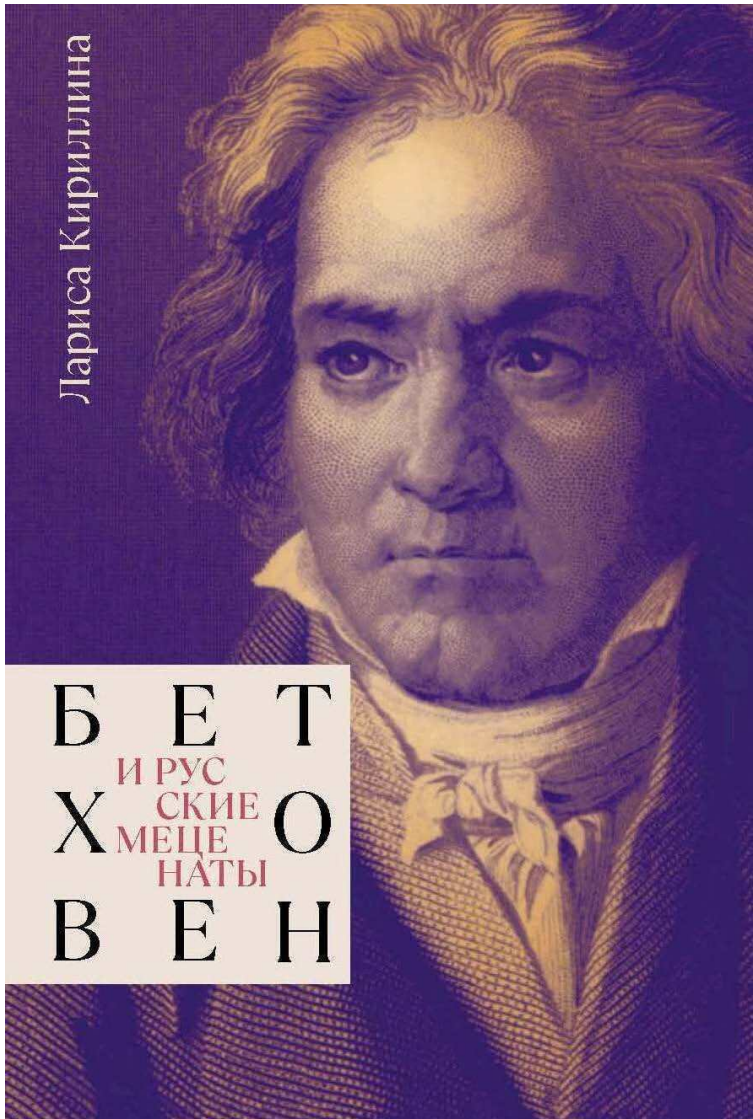

Лариса Кириллина

Б Е Т
И РУС
Х СКИЕ О
М ЕЦЕ
Н АТЫ
В Е Н

Лариса Валентиновна Кириллина

Бетховен и русские меценаты

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71778955

Бетховен и русские меценаты / Лариса Кириллина: Бослен; Москва;

2022

ISBN 978-5-91187-411-7

Аннотация

В монографии Ларисы Кириллиной, профессора Московской консерватории и ведущего научного сотрудника Государственного института искусствознания, рассматриваются взаимоотношения Людвига ван Бетховена (1770–1827) с его почитателями и меценатами из России. Среди них – иностранцы на русской службе («русские агенты»), выдающийся дипломат граф А. К. Разумовский, князь-виолончелист Н. Б. Голицын и августейшая чета – император Александр I и императрица Елизавета Алексеевна. Книга основана на исторических источниках и архивных документах, многие из которых публикуются впервые.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	10
Благодарности	19
Список сокращений	20
Молодой Бетховен в кругу русских дипломатов	23
Боннские знакомства	47
«Русский агент» Фациус	55
Семья Струве	84
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Лариса Кириллина

Бетховен и русские меценаты

Развитие искусств и наук всегда было и всегда будет наилучшим средством установления уз между самыми отдаленными друг от друга народами.

Людвиг ван Бетховен – Стокгольмской академии

Поверьте, моя высшая цель состоит в том, чтобы мое искусство находило доступ к благороднейшим и образованнейшим людям.

Людвиг ван Бетховен – князю Н. Б. Голицыну

Государственный институт искусствознания

Издано при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Благодарим Центр немецкой книги в Москве за медийную поддержку данного издания

BIZ **MOSKAU**
Buchinformationszentrum

Иллюстративный материал:

© Beethoven-Haus Bonn

© Wien Museum

© Государственный Эрмитаж

© Государственный Русский музей

© Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

Изображения из открытых источников публикуются в соответствии со статьей 1282 Гражданского кодекса РФ «Переход произведения в общественное достояние»

© Кириллина Л. В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Бослен», 2022

Моцарт

Гайдн

Бетховен

Будучи слишком мал, чтобы познакомиться со знаменитым Моцартом, и не имея возможности стать свидетелем последних лет жизни Гайдна, которого я в детстве видел в Вене лишь мельком, я счастлив оказаться современником третьего героя музыки, которого по праву можно провозгласить Богом мелодии и гармонии.

Князь Н. Б. Голицын

Предисловие

В 1927 году, к столетию со дня смерти Бетховена, вышла в свет «Русская книга о Бетховене» – собрание исторических очерков под редакцией профессора Московской консерватории Константина Алексеевича Кузнецова (1883–1953). С тех

пор прошел почти век, однако то старое издание, отпечатанное тиражом в 2000 экземпляров на недорогой тонкой бумаге под мягкой обложкой, осталось уникальным по замыслу и полноте тематического охвата.

В «Русской книге о Бетховене» имелась, помимо прочего, глава «Русские встречи и связи Бетховена», написанная известным литературоведом Михаилом Павловичем Алексеевым (1896–1981) и содержащая очень ценную информацию. Однако сам материал уже тогда вызвал к более подробному его изучению, которое было вряд ли осуществимо в условиях советской реальности с ее жесткими идеологическими установками и запретами, закрытостью некоторых отечественных архивов и невозможностью работы исследователей с зарубежными источниками.

В последней трети XX века и в наше время заметен рост интереса к теме «Бетховен и Россия».

В 1972 году появился весьма представительный сборник «Из истории советской бетховенианы», составленный крупнейшим отечественным бетховенистом XX века Натаном Львовичем Фишманом (1909–1986). В статьях другого нашего выдающегося музыковеда, Аркадия Иосифовича Климовицкого, освещены начальные этапы проникновения музыки Бетховена в Россию и влияние этой музыки на творчество русских композиторов – Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Стравинского, Шостакови-

ча¹. Чрезвычайно своеобразное восприятие творчества Бетховена сквозь призму советской идеологии рассматривается в книге Марины Григорьевны Раку².

В 2020 году началась работа над коллективным проектом «Личность и творчество Людвиг ван Бетховена в зеркалах рецепций и интерпретаций», инициированным Российской христианской гуманитарной академией в Санкт-Петербурге и поддержанным Российским фондом фундаментальных исследований. Содержание проекта выходит за рамки темы «Бетховен и Россия», однако именно этот аспект мыслится здесь ключевым. Уже подготовлена антология различных текстов о Бетховене, опубликованных на русском языке в XIX–XX веках, с содержательной вступительной статьей автора-составителя, Георгия Викторовича Ковалевского, «Русский Бетховен»³. Мне тоже предложено принять участие в этом проекте, и моя планируемая монография будет касаться рецепции Бетховена в России в XIX–XX веках.

Чем отличается от всех упомянутых здесь трудов эта книга?

Во-первых, она посвящена периоду, четко ограниченному

¹ См. перечень статей А. И. Климовицкого на эти темы в библиографическом списке в конце книги.

² Раку М. Г. Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 298–348. (Серия «Научная библиотека»).

³ Л. ван Бетховен: pro et contra: антология / сост., вступ. статья, комментарии Г. В. Ковалевского. СПб.: РХГА, 2020.

годами жизни Бетховена и временем его общения с русскими меломанами и меценатами, которое началось, возможно, уже в 1780-х годах в Бонне и продолжалось до марта 1827 года (одно из последних писем, продиктованных Бетховеном на смертном одре, датированное 21 марта, было адресовано в петербургский банк «Штиглиц и К^о» и касалось финансовых расчетов композитора с князем Николаем Борисовичем Голицыным)⁴.

Во-вторых, речь пойдет только о тех ценителях творчества Бетховена, которые находились в непосредственном контакте с композитором либо, никогда не встречаясь лично, вели с ним переписку (как князь Голицын). Иначе круг персоналий пришлось бы расширить за счет тех русских бетховенианцев, которые появились уже в конце 1820-х годов, но с Бетховеном знакомы не были. Среди них князь Владимир Федорович Одоевский, Александр Александрович Алябьев и юный Михаил Иванович Глинка. Особый случай – графы Виельгорские, братья Михаил и Матвей Юрьевичи. Михаил, находясь в Вене в 1808 году, общался с Бетховеном, но пропагандировал его музыку гораздо позднее, находясь в России, причем не как меценат композитора, а как музыкант, виолончелист и дирижер.

В-третьих, эта книга прежде всего о конкретных людях, через личности и судьбы которых высвечиваются исторические события и художественные явления. Герои книги при-

⁴ Бетховен Л. ван. Письма. В 4 т. Т. 4. М., 2016. № 1659. С. 687–688.

надлежали к самым разным сословиям (от бюргеров и мелких дворян до титулованной знати и августейших особ), некоторые из них не были русскими по крови и даже не знали русского языка, хотя находились на службе у Российской империи. Необходимо, впрочем, заметить, что понятие «русские» в ту эпоху имело обобщающий характер и относилось ко всем подданным российских монархов, будь то украинцы, немцы, поляки или жители прибалтийских провинций.

Тем не менее всех персонажей этой книги объединяли любовь к музыке и интерес к творчеству и личности Бетховена.

Понятие «меценат» в данном контексте также следует трактовать расширительно. В обычном смысле меценат – богатый покровитель искусств, щедро тратящий личные средства на заказ художественных произведений и на бескорыстную помощь артистам. Однако в таком случае меценатство ограничивается материальной сферой, что не всегда верно и справедливо.

В широком смысле меценатство подразумевает не только финансовую поддержку творца, но и создание условий, в которых его творчество могло бы находить моральную опору и общественное одобрение. Это было подчас не менее важно, чем денежное вознаграждение. Общественное мнение в XVIII – начале XIX века создавалось не столько прессой, сколько просвещенными и влиятельными знатоками. И эти знатоки отнюдь не всегда были богатыми людьми. Даже не слишком состоятельный ценитель искусства мог содержать

салон, организовывать выступления выдающихся артистов, пропагандировать их сочинения. С другой стороны, в Вене был хорошо известен феномен скупого мецената в лице барона Готфрида ван Свитена. Как замечал Герман Аберт, барон с помощью сбора пожертвований, куда вносил и свою долю, собирал значительные средства на важные художественные цели (например, на организацию исполнений ораторий Гайдна и Генделя), «однако непосредственно для музыкантов карманы богача оставались закрытыми»⁵. Тем не менее с ван Свитеном поддерживали отношения и Моцарт, и Гайдн, и молодой Бетховен, посвятивший ему свою Первую симфонию.

Очагами, в которых тогда взращивалось и распространялось высокое искусство, причем самое современное, были небольшие дружеские кружки и частные светские салоны, а не консервативные официальные институты вроде придворных капелл и иных учреждений. С институтами у Бетховена отношения обычно не складывались: он слишком выделялся на общем фоне и не умел ни руководить кем-либо, ни подчиняться. Зато с людьми, способными понимать и ценить его творчество, Бетховен общался охотно, причем не только на сугубо музыкальные темы.

Важно отметить еще одно обстоятельство. С точки зрения истории искусства Бетховен – фигура первой величины, а цари, короли, князья, дипломаты, полководцы, мини-

⁵ Аберт Г. В. А. Моцарт. Ч. 2. Кн. 1. М., 1983. С. 91.

стры и прочие лица, не говоря уже о рядовых чиновниках различных ведомств, – фоновые персонажи, зачастую мелкие до неразличимости. Но в глазах современников все было едва ли не наоборот: сильные мира сего творили историю государств и народов, начинали войны и заключали мир, перекраивали карты Европы и переписывали законы, государственные служащие отвечали за четкое функционирование бюрократических механизмов, а музыканты во всех этих процессах никакой существенной роли не играли. Они лишь привносили в суровую реальность гармонию и красоту – ценности высокие, однако слишком абстрактные, чтобы вершители судеб уделяли им много внимания. «Князей было и будет тысячи, Бетховен же только один» – эти горделивые слова из апокрифического письма композитора к князю Карлу Лихновскому⁶ мало кем в то время воспринимались как непреложная истина. Вероятно, большинство аристократов, высокопоставленных чиновников и августейших особ сильно бы удивились, узнав, что спустя двести с лишним лет их имена будут помнить лишь потому, что они каким-то образом соприкасались с незнатным, вызывающе неучтивым и порой весьма неудобным в общении гением.

Вместе с тем далеко не все эти люди – аристократы, ди-

⁶ Подлинник не сохранился, текст известен в пересказе очевидца, в присутствии которого письмо было написано и отправлено. См.: Бетховен Л. ван. Письма. В 4 т. Т. 1. М., 2011. № 135 и комментарии к нему. С. 277–278.

пломаты, военные – были заурядными личностями; скорее, напротив, высокое положение обязывало выделяться на общем фоне. Для того чтобы управлять государством, одерживать победы, вести переговоры, нужно было обладать умом, характером, знаниями и талантами. Чем больше исследователь вникает в документы, в том числе не имеющие отношения к музыке, тем менее однозначным становится взгляд на эпоху Бетховена, которая (не будем о том забывать) была одновременно эпохой великих перемен и великих героев. Подробно прописанный фон позволяет лучше понять и личность Бетховена, и те обстоятельства, в которых он жил и творил.

О некоторых русских почитателях Бетховена существует специальная литература; эти труды по возможности здесь учтены. Больше всего, конечно, написано о графе Андрее Кирилловиче Разумовском и о князе Николае Борисовиче Голицыне. Голицын-музыкант был удостоен целого раздела в фундаментальном исследовании Льва Соломоновича Гинзбурга (1907–1981) «История виолончельного искусства» (1957). Однако некоторые фигуры до сих пор оставались в тени. Их фамилии (Фациус, Струве, Клюпфель, Брун) постоянно упоминаются в литературе о Бетховене, но без каких-либо подробностей.

В процессе работы над материалом мне удалось найти в архивах немало новых фактов и документов, касающихся биографий героев этой книги, хотя множество пробелов не

заполнено. К сожалению, сохранность архивных документов в нашей стране оставляет желать лучшего, а системы поиска внутри конкретных архивов зачастую очень несовершенны. Многие, очевидно, было утрачено в ходе бурных исторических событий и всевозможных внутренних реорганизаций. Всякий, кто работал в архивах, знает, что любой обнаруженный там документ тянет за собой цепь вопросов, влекущих к дальнейшим поискам, иногда долгим, а иногда и тщетным. Поиск можно продолжать бесконечно, однако в некий момент нужно было поставить точку, чтобы книга могла обрести завершение.

Бетховенское семилетие 2020–2027 годов – между 250-летием со дня рождения и 200-летием со дня смерти – дает хороший повод подвести некоторые итоги и предложить обобщающий взгляд на историю вопроса, безусловно важного для отечественного музыковедения и для бетховенистики в целом.

Благодарности

В процессе написания книги мне неоднократно доводилось обращаться к коллегам за различными консультациями по конкретным вопросам. Помощь и содействие с готовностью оказывали:

Павел Георгиевич Сербин (Москва)

Ольга Байрд (Яценко) (Прага)

Профессор Стефан Михаэль Неверкла (Вена)

Александр Витальевич Круглов

(Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж)

Наталья Юрьевна Бахарева

(Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж)

Аскольд Владиславович Смирнов (Москва)

Виктор Аркадьевич Лапин (Санкт-Петербург, РИИИ)

Алла Викторовна Абраменкова,

заведующая читальным залом АВПРИ (Москва)

Анастасия Юрьевна Буцко (Бонн)

Доктор Николь Кемпкен, руководитель Дома-музея Бетховена (Бонн)

Приношу мою искреннюю благодарность.

Список сокращений

Учреждения:

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи (Москва).

ВОЛМ – Венское общество любителей музыки (Wiener Gesellschaft der Musikfreunde).

ГАВО – Государственный архив Владимирской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ДБ – Дом Бетховена и Бетховенский архив (Бонн).

КР РИИИ – Кабинет рукописей Российского института истории искусств (Санкт-Петербург).

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОРИР НМБТ – Отдел редких изданий и рукописей Научно-музыкальной библиотеки им. С. И. Танеева Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

РНММ – Российский национальный музей музыки (Москва).

Издания и условные обозначения в них:

БП – Бетховен Л. ван. Письма. В 4 т. М.: Музыка, 2011–2016 (подробные сведения о каждом томе см. в библиографии).

Львов – Прач – Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач. СПб., 1790; Собрание народных русских песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оных второй части. СПб., 1806.

Месяцеслов – Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето <...> от Рождества Христова. СПб.: Имп. Академия наук, [1805–1829].

AMZ – Allgemeine musikalische Zeitung (Leipzig).

BG – Ludwig van Beethoven. Briefwechsel. Gesamtausgabe. Bd. 1–8. München: G. Henle Verlag, 1996–1998.

BKh – Ludwig van Beethovens Konversationshefte. Bd. 1–11. Leipzig: VEB Deutscher Verlag für Musik, 1969–2001.

BNZ – Baierische National-Zeitung (München).

Kerst – Kerst F. Die Erinnerungen an Beethoven. Bd. 1, 2. Stuttgart, 1913.

KHV – Kinsky G., Halm H. Das Werk Beethovens:

Thematisch-bibliographisches Verzeichnis seiner sämtlichen vollendeten Kompositionen. München: G. Henle, 1955.

TDR – Thayer A. W. Ludwig van Beethovens Leben / hrsg. von H. Deiters. Mit Ergänzungen von H. Riemann. Bd. I–V. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1901–1911.

WoO – Werke ohne Opuszahl (произведения без опусного номера в указателях сочинений Бетховена).

Wetzstein – Familie Beethoven im kurfürstlichen Bonn. Neuauflage nach den Aufzeichnungen des Bonner Backermeisters Gottfried Fischer. Übertragen, kommentiert, illustriert und hrsg. von Margot Wetzstein. Bonn, 2006.

WZ – Wiener Zeitung (Wien).

Молодой Бетховен в кругу русских дипломатов

БОНН. 1770–1792

Вид на резиденцию курфюрста.
Литография Иоганна-Андреаса Шиллера

Молодой Бетховен в кругу русских дипломатов

Людвиг ван Бетховен в 1801 году.

Гравюра неизвестного автора по оригиналу Йозефа Найдля

Отчизна моя, прекрасный край, где впервые узрел я свет, стоит перед моими глазами так же отчетливо и явственно, как в момент расставания с вами. Одним из счастливейших в жизни я буду считать тот день, когда снова смогу Вас увидеть и поклониться нашему батюшке Рейну.

Бетховен – Ф. Г. Вегелеру, 1801

Людвиг ван Бетховен в 1801 году. Гравюра Йозефа Найд-
ля по портрету Гандольфа Энста Штайнхаузера

Генрих Антонович Струве, русский дипломат, друг юности Бетховена. С портрета 1810-х годов

Вид на Рейн и Бонн в 1820-х годах.
Акватинта неизвестного автора

Людвиг ван Бетховен в возрасте 16 лет.
Силуэтный рисунок Йозефа Неезена

В маленьком Бонне, где практически все жители знали друг друга в лицо, а общественная жизнь протекала на небольшом пятачке между дворцом, собором и ратушей, социальные барьеры не выглядели непреодолимыми.

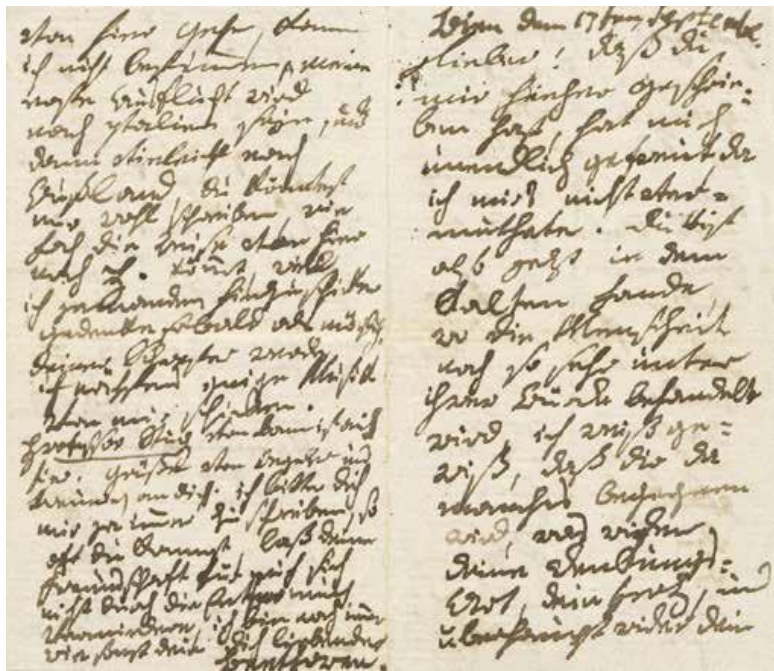
Будучи мальчиком, Бетховен благодаря своему выдающемуся дарованию оказался вхож и в резиденцию курфюрста, и в придворный театр, и в светские салоны, и в дома иностранных дипломатов.

Бонн, вид на площадь перед ратушей.
Старинная открытка

Дом в Бонне на Рейнгассе, где семья Бетховен жила в
1775–1785 годах

Страницы письма Бетховена к Г. А. Струве от 17 сентября
1795 года из Вены.

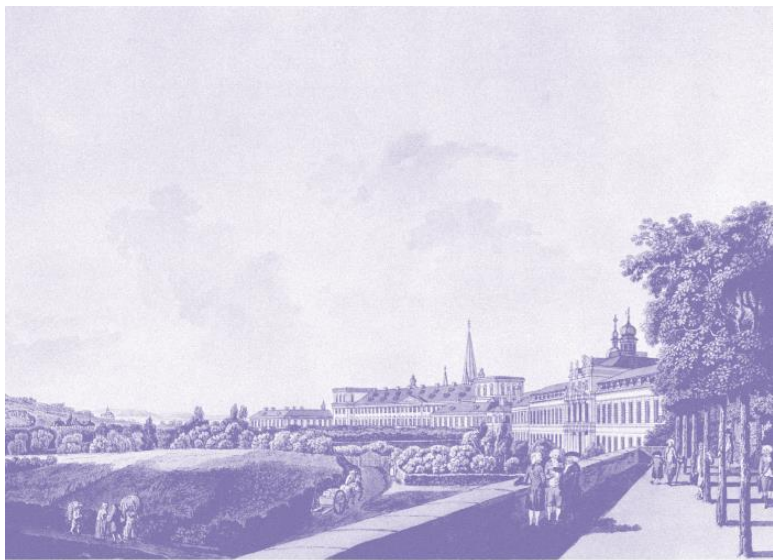
Дом-музей Бетховена, Бонн

Мне здесь живетъ пока хорошо, я приближаюсь к наме-
ченным мною целям. Как скоро ъ отсюда уеду, определить

Признавать Истину, любить Красоту, желать Добра, совершать Благое. Думай иногда, даже находясь вдалеке, о твоём верном и неизменном друге Генр[ихе] Струве из Регенсбурга, состоящем на Русской Импер[аторской] службе.

Символ. После цветения юности пожинай в зрелом возрасте плоды мудрости.

Запись Г. А. Струве в альбоме Бетховена, 1792

Бонн.

Вид на резиденцию курфюрста

Вы можете позволить своей маленькой ученице играть

где угодно, и, между нами говоря, многих из наших банальных, но чванливых шарманищиков она заставит натерпеться стыда. Еще одно. Не покажется ли Вам неуместным, любезный Штрейхер, если и я приму кое-какое участие в ее образовании, – или, вернее, если я тоже позабочусь о ее успехах?

Бетховен – И. А. Штрейхеру
об игре 13-летней Элизабет фон Кизов

Элизабет фон Кизов, в замужестве Бернхард, дочь «русского агента» Иоганна Эрхарда фон Кизова. Бетховен познакомился с ней в доме дипломата Филиппа Адамовича Клюпфеля. Неизвестный автор.

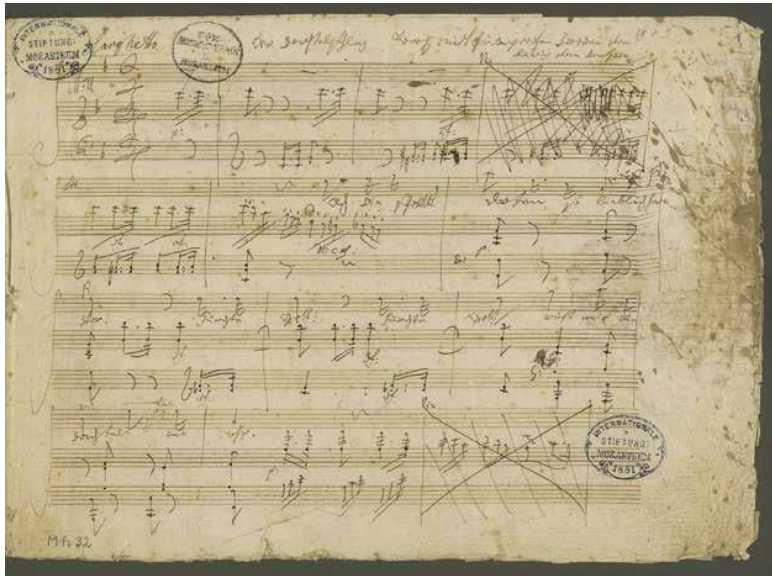

Дом-музей Бетховена, Бонн

Von Kiesow.

Герб семьи фон Кизов Вена. Вид на улицу Кольмаркт в 1786 году. Венский музей

Автограф песни «Крик перепела» WoO 129 с надписью «Крик перепела. Сочинено для графа Броуна Людвигом ван Бетховеном, 1803».

Дом-музей Бетховена, Бонн.

Коллекция Х. К. Бодмера.

В издании песни посвящение по неизвестным причинам было опущено

Граф Иван Юрьевич Броун и его жена Анна Маргарета.
Силуэтные изображения конца XVIII века

XII VARIATIONS

Pour le Clavecin ou Piano-Forte
Sur la danse Russe dansée par Mlle Cusentini
dans le Ballet des Wälschmüchen

Composées et dédiées
à Madame La Comtesse de Browne
née de Vietinghoff

Par
Louis van Beethoven
N° 4.

A Vienne chez Artaria et Comp.

Lauthier

45. 5

Титульный лист первого издания Двенадцати вариаций для фортепиано на тему русского танца, посвященных графине Броун.

Дом-музей Бетховена, Бонн

Музыка молодого Бетховена собирала под окном многочисленных слушателей.

Liste des Soufcripteurs.

- M. Frang. d'Altenheim.* —
+ *Mlle. Bob. d'Anstey.* —
+ *Le Comte Appony. 6 Exempl.* —
La Bar. d'Argenteau. —
Mlle. d'Argenteau. —
Mlle. d'Argenteau. —
- Le Baron de Barden.* —
La Comtesse Balfanz. —
+ *Le General Boleslawski.* —
La Bar. de Borsal. —
+ *Le Comte George Borzyl.* —
Le Baron de Brann. —
+ *Mr. de Braun.* —
Mr. J. B. Brinkel. 2 Ex. —
Mr. Brink. —
Le Comte Brown. 2 Ex. —
La Comtesse Brown. —
+ *La Comtesse Brunswick.* —
- Mlle. Charlotte Chausseaux.* —
+ *La Comtesse Chausseaux.* —
+ *S. E. le Comte Cully, Vice-Chancelier d'Hongrie.* —
Le Major de Culin. —
+ *Le Comte Caron.* 2 Ex. —
+ *La Comtesse Ant. Cavalry.* —
- + *La Comtesse Dalton.* 2 Ex. —
Le Comte Rossy, Dietrichstein. —
Le Comte Maurice Dietrichstein. —
- + *La Comtesse d'Eschly, née Comtesse Herberstein.* —
+ *S. E. le Comte Inf. Eschly.* 2 Ex. —
- + *Le Prince Nic. Esterhazy.* 2 Ex. —
+ *La Comtesse Joz. Esterhazy.* —
- Mr. de France.* —
+ *La Comtesse Fies.* 2 Ex. —
+ *Le Landgrave de Hurlenberg.* —
- Le Marquis de Gure.* —
+ *Lady Gifford, née Comtesse Thann.* —
+ *Le Prince Grafenwits.* 3 Ex. —
Le Comte de Greiner. —
- + *La Comtesse Hallberg, née Comtesse Lukowsky.* 2 Ex. —
+ *Le General Comte Louis Harach.* —
+ *La Comtesse Ernest. Harach, née Comtesse Dietrichstein.* —
+ *Le Comte de Harandberg, Comte d'Hannover.* —
+ *La Comtesse Hatsfeld, née Comtesse Zlatina.* 2 Ex. —
Le Comte de Hongrois. —
Mr. de Hüll. —
+ *Le Comte de Herberstein Molde.* —
Mlle. de Henschlein. —
La Comtesse Ernest. Hoyos. —
Mr. Paul Hoff à l'académie de Götting. —
- + *Le Comte Etienne Illahazy.* —
- + *S. E. le Comte de Kappeler.* —
La Comtesse Karoly, née Comtesse Waldstein. —
+ *S. E. le Comte Koginicz.* —
La Comtesse Kinsky, née Comtesse Dietrichstein. 3 Ex. —
Le Comte Kossig. —
Mlle. de Karsbach. 2 Ex. —

Страница с перечнем подписчиков на Трио ор. 1.
Дом-музей Бетховена, Бонн.
Коллекция Х. К. Бодмера

Бонн, вид на площадь перед ратушей.
Старинная открытка

Боннские знакомства

Бетховен родился в церковном княжестве, духовным и светским правителем которого был курфюрст-архиепископ Кёльнский. Властители этого ранга принадлежали к числу электоров – князей, имевших право избирать императора Священной Римской империи. Детство Бетховена прошло при патриархальном и просвещенном правлении курфюрста Максимилиана Фридриха (1708–1784) из швабского графского рода Кёнигсегг-Ротенфельс. Именно этому князю посвящены три первые фортепианные сонаты Бетховена WoO 47, изданные в 1783 году с чрезвычайно велеречивым посвящением, составленным, разумеется, не Людвигом, а, скорее всего, его учителем Кристианом Готлобом Нефе. На титульном листе возраст юного автора ради пушшего эффекта был убавлен еще на год, однако не исключено, что Бетховен действительно сочинил эти сонаты, будучи одиннадцатилетним мальчиком.

После смерти Максимилиана Фридриха главой княжества стал представитель династии Габсбургов, самый младший из братьев императора Иосифа II Максимилиан Франц (1756–1801), человек просвещенных взглядов, который всецело поддерживал политические, общественные и культурные реформы, проводимые императором. Максимилиан Франц, как и его предшественник, был также князем-епископом

Мюнстера в Вестфалии, а с 1780 года еще и Великим магистром Тевтонского ордена – организации отнюдь не всецело декоративной, хотя уже и не столь воинственной, как в Средние века. Столица ордена вплоть до 1809 года находилась в Мергентхайме близ Вюрцбурга.

Резиденция князя-архиепископа располагалась не в столичном Кёльне, а в маленьком уютном Бонне. Владения правителя не ограничивались парадным дворцом, в котором ныне главное здание университета, и прилегающим к нему регулярным парком, а включали в себя также ряд пригородных и загородных малых дворцов, служивших для охотничьих забав и летних развлечений. Давали там, конечно, и концерты. В одном из этих красивых зданий, Редуте в Бад-Годесберге, Бетховен встретился летом 1792 года с Йозефом Гайдном, и тот согласился взять его в ученики.

Хотя Бонн по сравнению с соседним Кёльном выглядел тихим провинциальным городком, именно здесь работали посольства и представительства иностранных государств. Хотя проводить сколько-нибудь независимую внешнюю политику курфюрсты-архиепископы не имели возможности, само расположение княжества на берегах Рейна, причем в относительной близости от Франции, Нидерландов, Фландрии и Пруссии, заставляло всех заинтересованных лиц не упускать эту стратегически важную область из виду и держать здесь своих представителей. Это касалось и таких государств, как Англия и Россия. У обеих держав были свои

интересы в Германии: короли Великобритании, начиная с Георга I, в силу личной унии были курфюрстами Ганновера, и в войне за «австрийское наследство» 1740–1748 годов Великобритания поддерживала Марию Терезию. Россия же постоянно заключала династические браки с представителями небольших немецких протестантских княжеств (Шлезвиг-Гольштейн-Готторп, Ангальт-Цербст, Баден-Вюртемберг), но при этом соперничала и даже воевала с Пруссией (Семилетняя война 1756–1763 годов). В Семилетней войне две империи, Россия и Австрия, были союзницами; этот военно-политический союз был упрочен во времена правления Екатерины II и императора Иосифа II, а затем и при Александре I. Тесные связи кёльнских архиепископов с вестфальским Мюнстером и, в случае Максимилиана Франца, с Тевтонским орденом обеспечивали Бонну подчеркнутое внимание со стороны прочих германских князей. Присутствовал среди боннских дипломатов и имперский, то есть фактически австрийский, посол.

В масштабах Священной Римской империи дистанция, отделявшая высокопоставленных особ вроде князей, министров и послов от совсем юного музыканта, сына придворного певчего, показалась бы огромной. Но в маленьком Бонне, где практически все жители знали друг друга в лицо, а общественная жизнь протекала на небольшом пяточке между дворцом, собором и ратушей, социальные барьеры не выглядели непреодолимыми. Будучи мальчиком, Бетховен бла-

годаря своему выдающемуся дарованию оказался вхож и в резиденцию курфюрста, и в придворный театр, и в светские салоны, и в дома иностранных дипломатов. Публикация в 1782 году Десяти вариаций на марш Эрнста Кристофа Дресслера WoO 63, посвященных графине Фелице фон Вольф-Меттерних, а в следующем году трех сонат WoO 47, посвященных курфюрсту Максимилиану Фридриху, принесла ему славу композитора, а таким даром обладал отнюдь не каждый вундеркинд. На него трудно было не обратить внимания, когда он, малорослый щуплый подросток в парике с косичкой и в фирменной зеленой ливрее штатного музыканта княжеской капеллы, усаживался за орган или аккомпанировал певцам на клавесине или фортепиано.

Между 1775 и 1785 годами семья Бетховен жила не в том доме на Боннгассе, где Людвиг родился и где ныне находится музей, а у булочника Иоганна Теодора Фишера на Рейнгассе (этот дом был разрушен при бомбардировке Бонна в 1944 году; сейчас на его месте стоит современное жилое здание). Согласно воспоминаниям сына домовладельца, Готфрида Фишера (1780–1864), основанным не только на личном опыте, но и на сведениях, полученных от его матери Сусанны Катарины (1740–1826), старшей сестры Цецилии (1762–1845) и других очевидцев, семья Бетховен в это время отнюдь не бедствовала. Иоганн с женой Марией Магдаленой, детьми и служанкой занимал просторную шестикомнатную квартиру, в которой часто устраивали домашние концерты,

туда приходило множество гостей, преимущественно актеров и музыкантов, но также и представителей благородных сословий⁷. Все это свидетельствует о том, что расхожие представления об Иоганне ван Бетховене как о горьком пьянице, жестоко издевавшемся над гениальным сыном, не совсем справедливы. Выпить он, конечно, любил, но до 1787 года его пристрастие к вину никому не казалось чрезмерным, и Фишер вспоминал, что подвыпивший Иоганн становился веселым и бодрым. Лишь после утраты любимой жены он потерял власть над собой и быстро довел семью до нищеты, так что Людвиг в 1789 году был вынужден взять на себя роль опекуна отца и кормильца двух младших братьев. До этих печальных событий Иоганн считался неплохим музыкантом и опытным преподавателем музыки, которого приглашали давать уроки и музицировать в самых уважаемых домах, в том числе у английского и французского послов. С Людвигом он действительно бывал строг и нередко прибегал к рукоприкладству, но при этом гордился дарованием сына и видел в нем надежду семьи.

Людвиг также с детства зарабатывал на хлеб, давая частные уроки, поскольку его жалованье помощника органиста в придворной капелле, назначенное ему в 1784 году, было очень небольшим, а разраставшаяся семья нуждалась в дополнительном доходе.

⁷ Wetzstein, 2006. S. 126–131. Здесь и далее ссылки на источники, приводимые в Списке литературы в конце книги, даются в сокращении.

Некоторые ученики становились его близкими друзьями, как, например, дети вдовы надворного советника Елены фон Брейнинг, особенно Лоренц (Ленц), Стефан и Элеонора (Лорхен). Но в других случаях он рассматривал преподавание как ненавистную обузу. Франц Герхард Вегелер, впоследствии зять госпожи фон Брейнинг, также общавшийся с Бетховеном в ее доме, вспоминал: «Иногда г-же фон Брейнинг приходилось заставлять его идти давать урок к австрийскому послу графу фон Вестфалену, ныне Фюрстенбергу, жившему напротив нее. Тогда он шел, *ut unīque mentis asellus*⁸ (так он сам о себе говорил), но нередко, дойдя до того дома, бежал обратно, пообещав, что завтра даст двухчасовой урок, а сегодня никак не может. Его вынуждало к этому не столько собственное стесненное положение, сколько мысли о семье, особенно о его милой матери»⁹. Мария Магдалена ван Бетховен умерла 17 июля 1787 года, то есть рассказ Вегелера относится к более раннему времени, когда нерадивому учителю было всего лишь от тринадцати до шестнадцати лет (Вегелер вспоминал, что они познакомились, когда Бетховену исполнилось примерно двенадцать, но он уже слыл «сочинителем»). Дипломат, о котором здесь говорилось, – барон Клеменс Август фон Вестфален, получивший в 1792 году титул имперского графа; в течение долгого времени он занимал пост уполномоченного посланника императорско-

⁸ Точно упрямый осленок (*лат.*). Цит.: Гораций. Сатиры. I, IX.

⁹ Вегелер, 2007. С. 41.

го двора при княжествах Кёльнском, Трирском и в Вестфалии. У него было пятеро детей, которых обучал музыке юный Бетховен (возможно, не всех, но подробностей мы не знаем). Нельзя утверждать, что барон Вестфален и другие дипломаты были в полном смысле меценатами Бетховена, однако уроки их детям он давал не бесплатно, и, скорее всего, его выступления в светских салонах также вознаграждались гонорарами или подарками, как это было принято в то время.

Бонн. Площадь перед ратушей.
Фрагмент старинной открытки

«Русский агент» Фациус

В ряду боннских любителей музыки обычно упоминается Иоганн (Иван) Фациус, находившийся на службе у российского правительства. Такие служащие назывались тогда агентами. Они выполняли различные обязанности и поручения, а некоторые могли из агентов стать дипломатами.

Учитель Бетховена, Кристиан Готлоб Нефе, в своем очерке о боннской капелле и городской музыкальной жизни, напечатанном в 1783 году, писал: «Три сына господина Фациуса, здешнего русского агента, весьма музыкальны. Двое старших играют на флейте, а младший – на виолончели»¹⁰. Готфрид Фишер в одном месте своих воспоминаний писал, что семью Бетховен посещали «господин Фациус, гофмейстер английского посланника, и три его сына и две дочери», а в другом месте сообщал забавные подробности: три сына Фациуса, приходя в дом на Рейнгассе, пристально разглядывали хозяйскую дочку, хорошенькую Цецилию Фишер, всегда одетую как куколка, на что девочка сердилась и возмущалась¹¹.

Из скупых слов современников, Нефе и Фишера, совершенно неясно, как звали этих сыновей Фациуса, какого они были возраста и кто из них на каком инструменте играл.

¹⁰ Цит. по: TDR I. S. 100.

¹¹ Wetzstein, 2006. S. 54, 129.

Между тем вопрос этот не совсем праздный, поскольку семья «русского агента» была весьма многочисленной, а сам он – человеком чрезвычайно интересным и одаренным.

Историей семьи Фациуса в связи с музыкальными связями XVIII века подробнее всех занимался Павел Георгиевич Сербин, продолжающий работать над исследованием об одном из сыновей «русского агента», виолончелисте и композиторе Иоганне Генрихе, который в 1780 году уехал в Россию, служил в капелле графов Петра Борисовича и Николая Петровича Шереметевых в Москве и Петербурге, а с лета 1809 года проживал в глубокой провинции – Краснослободске в Пензенской губернии. После 1810 года его след теряется. Попутно П. Г. Сербин установил даты жизни всех членов семьи Фациус по метрикам, хранящимся в Регенсбурге, Нюрнберге и Кёнигсберге. Этой информации в столь полном виде нет ни в одном из печатных источников, и я выражаю коллеге глубокую благодарность за то, что он разрешил мне ею воспользоваться¹². Сербин изучил также переписку Иоганна Фациуса, хранящуюся в АВПРИ, и пришел к аргументированному выводу о том, что упомянутыми в мемуарах Нефе тремя сыновьями «русского агента», общавшимися с семьей Бетховена, могли быть Иоганн Кристоф (или Христофор, 1752–1812), Фридрих Вильгельм (1758–1815) и Иоганн Георг Септимус (1762 – после 1791). Вероятно, что

¹² Данные о семье Фациус сообщены П. Г. Сербиным автору в частной переписке.

среди братьев Фациус, посещавших дом Фишера, был также и Иоганн Леонард (или Леонхардт, 1754–1823). Все названные здесь сыновья Фациуса находились в Бонне в начале 1780-х годов, а Леонард бывал или проживал там вплоть до лета 1794-го. Даты жизни Иоганна Кристофа, Леонарда и Фридриха Вильгельма заставляют думать, что они могли водить дружбу не столько с подростком Людвигом, сколько с его отцом Иоганном (ок. 1740–1792); разве что их младший брат Септимус годился в приятели Людвигу, но все равно был на восемь лет старше него. Однако ощутимая разница в возрасте не исключает вероятного совместного ансамблевого музицирования всех членов обоих семейств.

Из сопоставления свидетельства Нефе с датами рождения сыновей Фациуса явствует, что на флейтах играли Кристоф и Фридрих Вильгельм (возможно, и Леонард), а на виолончели – Септимус, который в отличие от брата Иоганна Генриха профессиональным музыкантом не стал. Готфрид Фишер упоминал в числе частых посетителей квартиры Бетховена не только братьев, но и двух сестер Фациус. Ими, несомненно, были София Генрика Доротея (1765–1814) и Фредерика Луиза (1767–1835), которые по возрасту также могли быть приятельницами Людвига. В 1784 году обе девушки вместе с отцом и матерью покинули Бонн; замуж они не вышли и ничем не прославились, хотя в юности, скорее всего, обучались музыке.

Документы, выявленные и опубликованные в наши дни,

помогли уточнить детали биографии и деятельности отца семейства. В отечественных анналах он остался как Иван (Иоганн Кристоф) Фациус (1721–1798). Родился Фациус под Франкфуртом-на-Майне, в молодости жил в Регенсбурге, там же обзавелся семьей, женившись в 1747 году на Элизабете Ауэрнхаммер (дата ее рождения неизвестна, а умерла она, как установил П. Г. Сербин, в 1787 году в Брюсселе). Уже в 1747 году у пары начали рождаться дети, которых всего было двенадцать: три дочери и девять сыновей. Лишь два мальчика умерли в раннем детстве, все остальные росли, радуя родителей, однако постоянно озадачивая отца семейства заботой об их пропитании и образовании.

Несколько лет Фациус служил на скромных секретарских должностях при дипломатах, связанных как с английским, так и с русским дворами. Регенсбург был в то время важным центром европейской политики, поскольку в этом небольшом городе с 1663 до 1806 года действовал постоянный рейхстаг Священной Римской империи, ее высший законодательный и представительный орган. Иметь своих послов в Регенсбурге считали необходимым все европейские державы, включая Россию. И вряд ли случайно многие немцы, поступавшие на русскую дипломатическую службу, происходили из Регенсбурга или работали здесь.

Как описывал Фациус этот период в автобиографии 1783 года, «с начала 1745 до 1755 года я был связан с Гольштейн-Готторпской дипломатической миссией в Регенсбурге,

служба под начальством советника юстиции [Клауса] Реймерса, а после его смерти еще более года служил там ради его детей. Благодаря этой службе я снискал благосклонность покойного графа Кайзерлинга, милостивое расположение г-на Симолина и дружбу советника [Антоня Себастьяна] Струве»¹³. Эти подробности были бы для нас не очень интересны, если бы перечисленные Фациусом имена не встречались в биографиях великих музыкантов: Иоганна Себастьяна Баха (граф Кайзерлинг) и Бетховена (семья Струве). Иван Матвеевич Симолин (1720–1799/1800¹⁴), происходивший из балтийских немцев, в будущем видный российский дипломат с длинным послужным списком, в те годы был министром-резидентом российского правительства при имперском рейхстаге в Регенсбурге. Именно Симолин склонил Фациуса, нуждавшегося в увеличении доходов из-за постоянного роста своей семьи, к поступлению в 1765 году на русскую службу в качестве агента по иммиграции. Екатерина II издала 22 июля 1763 года указ, приглашавший немецких колонистов поселиться в Поволжье. Однако для проведения указа в жизнь требовалась пропаганда этой идеи в Германии и организационные меры, обеспечивавшие благополучный переезд желающих. Симолин разработал схему, по которой три

¹³ Цит. по: Baird, 2018. P. 3.

¹⁴ Год смерти Симолина в большинстве старых источников указан по старому стилю как 1799-й. По новому стилю, он скончался в Вене 9 января 1800 года (WZ. 1800. 25 Januar. S. 286). Разница между григорианским и юлианским календарями в то время составляла 11 дней.

уполномоченных комиссара (одним из них стал Фациус) отбирали завербованных переселенцев (преимущественно молодых, здоровых, работающих и желательно семейных), снабжали их документами и деньгами и переправляли в Любек, откуда они морем прибывали в Россию и следовали к месту назначения¹⁵.

Такая деятельность иностранных агентов отнюдь не приветствовалась в германских городах и княжествах, не желавших терять значительное количество трудоспособных подданных, поэтому работа Фациуса оказалась нелегкой и часто сопряженной с неприятностями. Он начал вербовать поселенцев во Франкфурте-на-Майне, но его вынудили оттуда уехать, поставив невыполнимые условия – предъявить аккредитацию от императрицы Екатерины II и разрешение на вербовку переселенцев от императора Франца II¹⁶. Гораздо лояльнее к деятельности Фациуса отнеслись в графстве Бюдинген, где ему на первых порах оказывали всяческую помощь. Но через некоторое время его попросили покинуть и Бюдинген. В общей сложности Фациус сумел переправить в Россию более 10 000 человек. Несмотря на большой поток проходивших через его руки документов и финансов, Фациус славился исключительной честностью и нисколько не разбогател на своем хлопотном поприще, между тем его семейство продолжало разрастаться.

¹⁵ Подробнее см.: Ибнеева, Лебедева, 2019. С. 297–304.

¹⁶ Там же. С. 300.

В Бонне он находился с 1767 года, но уже не занимался делами переселенцев. Формально Фациус должен был помогать российским подданным, оказавшимся на берегах Рейна, – торговцам, путешественникам и прочим. Таких было совсем немного, но в обязанности Фациуса входило также регулярное отправление в Петербург депеш, в которых подробно описывались все важные события, происходившие при дворе курфюрста, в дипломатической среде и в окружающих Бонн землях и городах. При отсутствии нынешних средств информации и коммуникации такие депеши были очень важным источником достоверных сведений о том, что происходило на местах, особенно в периоды военных и политических катаклизмов. В этом качестве Фациус также проявил себя незаурядным, хотя отнюдь не беспристрастным наблюдателем и литературно одаренным человеком. Огромное количество его писем, хранящихся в АВПРИ, еще ждет заинтересованного исследователя; остается лишь мечтать об их переводе на русский язык и научной публикации. Хотя отечественные историки регулярно обращаются к этому богатейшему материалу, фигура Фациуса возникает в их трудах в связи с другими темами, а не как предмет самостоятельного интереса.

В 1782 году Фациус получил формальное назначение русским консулом в Остенде, а с 1784-го – генеральным консулом России в Брюсселе. Однако в 1783–1784 годах два его сына числились в списках студентов Академии Кёльнского

курфюрста в Бонне, преобразованной в 1784-м в университет. По мнению П. Г. Сербина, хотя их имена в матрикule не указаны, это могли быть Иоганн Кристоф и Вильгельм Фридрих, принятые летом 1783 года на русскую службу в качестве секретарей и переводчиков при отце с жалованьем в 200 рублей в год каждому¹⁷. Видимо, отец счел нужным усовершенствовать их образование, направив изучать курс истории Германии. По этой или по другой причине вплоть до весны 1784 года семья Фациус оставалась в Бонне.

Между тем к этому времени Бетховен уже стал местной знаменитостью. Из печати продолжали выходить его новые произведения: два рондо для фортепиано WoO 48 и 49 (1783 и 1784), песни «Портрет девушки» WoO 107 и «Младенцу» WoO 108 (также 1783 и 1784). Понятно, что сам Фациус, будучи небогатым человеком, содержавшим многочисленную семью, не был собственно «меценатом» Бетховена. Более того, в определенный период времени (до рождения Людвига и в первые три года его жизни) семья Бетховенов занимала в Бонне более заметное и финансово выигрышное положение, чем семья «русского агента»: дед будущего великого композитора, Людвиг ван Бетховен – старший, был капельмейстером курфюрста и получал солидное жалованье, а также имел доходы от виноторговли. Иоганну ван Бетховену

¹⁷ Сербин П. Г. Иоганн Генрих Фациус. Жизнь и творчество. Рукопись. Ссылка на документы АВПРИ: Ф. 55. Оп. 8. Д. 20. Письма И. Фациуса от 20 (31) марта и от 19 (30) июня 1783 года.

не удалось продвинуться выше должности придворного певчего, но благодаря полученному от отца наследству и широкому кругу знакомств он в начале 1780-х годов, как уже говорилось, вел вполне респектабельный образ жизни. Поэтом семьи Фациус и Бетховен могли поддерживать дружеские отношения примерно на равных. Речь о каком-либо покровительстве здесь не велась; к общению их побуждали взаимные симпатии и общие интересы. Правда, Фациус и его сыновья были намного более образованными людьми, чем Иоганн ван Бетховен, который за пределами своего ремесла мало в чем разбирался, да и в музыке его кругозор был весьма ограничен. До появления в Бонне проницательного Нефе, разглядевшего в Людвиге задатки гениального композитора, отец запрещал мальчику играть музыку «из головы», считая это вздорной прихотью; равным образом он забрал Людвигу из школы, полагая, что, помимо умения читать, писать и считать, другие знания ему не понадобятся. Творческие же интересы семьи Фациус хотя и включали в себя музыку, в большей мере были связаны с изобразительным искусством.

Старшие сыновья Фациуса, Иоганн Готлиб (1748–1814) и Георг Зигмунд (1750–1819), стали известными художниками-граверами; с середины 1770-х годов они работали в Лондоне и с Бетховеном никак не соприкасались. Еще один брат, уже упоминавшийся Иоганн Георг Септимус, художник-миниатюрист и виолончелист, уехал в Англию примерно в 1784

году¹⁸. Иоганн Готлиб и Георг Зигмунд до своего отъезда в Англию публиковали в Бонне гравюры, карты и ноты. О художниках и граверах из семьи Фациус существует исследование Ольги Байрд, и далее мы приведем сведения из ее очерка.

Среди продукции Фациусов оказалась, в частности, изданная в 1769 году за подписью обоих братьев «Точная карта части Российской империи и центральной Польши, включая Украину, Подол, Волынь, Русины, Малую Польшу, Мазовию и часть Литвы вместе с небольшой частью Тартарии, Молдавии, Валахии и Трансильвании» (*Carte exacte d'une Partie de L'Empire de Russie et de la Pologne meridionale renfermant l'Ukraine, la Podolie, la Volhynie, la Russie, la petite Pologne, la Mazovie, et une Partie de la Lithuanie avec la petite Tartarie la Moldavie la Valaquie et la Transylvanie Suivant*). В 1770 году Георг Зигмунд Фациус напечатал награвированную им карту Чесменского сражения, в котором русский флот одержал победу над турецким¹⁹. Тот же Георг Зигмунд награвировал едва ли не первое в Бонне нотное издание, выпущенное в свет в 1772 году. Это был сборник сонат Андреа Лукези, который после смерти деда Бетховена, Людвиг-старшего, занял пост капельмейстера капеллы курфюрста. Чтобы точно

¹⁸ Даты жизни сыновей Фациуса и уточненные данные об их жизненном пути установлены Павлом Георгиевичем Сербиным и Ольгой Байрд. См.: Baird, 2018. P. 4–5.

¹⁹ Baird, 2018. P. 8–9.

награвировать сонаты, нужно было достаточно хорошо разбираться в музыкальных материях.

В Брюсселе Иоганну Фациусу довелось стать свидетелем и отчасти летописцем Брабантской революции 1787–1790-х годов – восстания против политики императора Иосифа II, а по сути против владычества Габсбургов и феодального уклада жизни в Австрийских Нидерландах. Историк Алла Сергеевна Намазова подсчитала, что в АВПРИ хранится около тысячи писем Фациуса, причем «более 500 из них раскрывают события 1787–1790 гг. и представляют собой важный источник для изучения Брабантской революции»²⁰. По-видимому, личные письма от Фациуса постоянно приходили также в Бонн, и свежие известия из Брюсселя обсуждались в той самой среде, в которой вращался и молодой Бетховен. Более того, поскольку дед Бетховена был родом из Фландрии, Людвиг, вероятно, принимал поступающие оттуда вести близко к сердцу. В 1788 году была опубликована трагедия Гёте «Эгмонт», сюжет которой, связанный с борьбой Нидерландов против испанского владычества в XVI веке, оказался необычайно злободневным. Возможно, в боннском Обществе любителей чтения, к которому принадлежали Нефе и другие старшие сослуживцы Бетховена, эту трагедию читали и обсуждали.

Фациус, человек уже пожилой, многое на своем веку повидавший и оставшийся убежденным монархистом, воспри-

²⁰ Намазова, 2001. С. 152.

нимал любую революцию как катастрофу. Боннская же молодежь, либерально настроенные профессора университета и некоторые коллеги Бетховена по придворной капелле были, напротив, увлечены революционными идеями, которые в тот момент еще не повлекли за собой кровавых последствий и воспринимались как порыв человечества к более справедливому общественному устройству. Среди юношеских песен Бетховена около 1792 года появилась декларативно-плакатная песня на стихи Готлиба Конрада Пфэффеля «Свободный человек» WoO 117; она была напечатана в Бонне лишь в 1808 году во второй редакции 1795 года – в Вене такой текст цензура бы, разумеется, не пропустила. В Бонне же ее, несомненно, распевали друзья Бетховена во время совместных встреч и пирушек.

Иоганн Фациус еще раз появился в Бонне при весьма драматических обстоятельствах в 1794 году, когда Бетховена там уже не было. Хронику событий описал сам Фациус в своих регулярных депешах в Петербург, адресатом которых был тогдашний вице-канцлер Российской империи граф Иван Андреевич Остерман (1725–1811). Письма Фациуса написаны на французском языке очень аккуратным почерком его сына-секретаря Иоганна Кристофора (почерк Кристофора установлен П. Г. Сербиным). Первое письмо Фациуса из Бонна датировано 19 (30) июня 1794 года; в нем сообщается о вынужденном бегстве Фациуса из Брюсселя после начала там боевых действий между французскими и им-

перскими войсками и об эвакуации из города властей и правительства Австрийских Нидерландов²¹. Не имея возможности заниматься своей основной служебной деятельностью в качестве консула, Фациус фактически стал военным корреспондентом (а в какой-то мере и шпионом), оперативно передававшим в Россию последние сведения о перемещениях враждующих армий, о действиях князей и полководцев, о поступках и передвижениях августейших особ и политически значимых лиц, о настроениях в войсках и в народе.

Каждое письмо снабжено в конце карандашной пометой на русском языке о дате получения. Обычно дипломатическая почта доходила в Петербург за 10–11 дней, иногда чуть дольше; бывали случаи, что два-три письма доставлялись одновременно (видимо, это было связано с датами отправки курьеров). С нынешними темпами распространения информации такие сроки сравнивать невозможно, но для XVIII века они выглядели весьма оперативными – в газетах новости появлялись с куда большим опозданием.

В Бонне Фациус находился до двадцатых чисел июля 1794 года, после чего перевез свою семью вместе со всем имуществом в баварский Ашаффенбург – резиденцию князей-электоров Майнца, откуда продолжал неутомимо слать депеши Остерману. Из этих писем можно извлечь немало подробностей, не имеющих, конечно, отношения к музыкальным материям, но раскрывающих исторический кон-

²¹ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письмо № 43. Л. 16–17 об.

текст этого бурного времени.

Бетховен, живший тогда в Вене, имел, очевидно, очень смутное понятие о том, что происходило летом 1794 года в его родном Бонне, и его вряд ли можно за это винить: официальная пресса строго цензурировалась, частная переписка также подвергалась перлюстрации, если не была отправлена с оказией. Два письма, отосланных Бетховеном летом 1794 года в Бонн Николаусу Зимроку его старому сослуживцу по придворной капелле, занявшемуся нотоиздательством, выдержаны в жизнерадостном тоне. Первое из них, от 18 июня, вполне безмятежно: Бетховен говорит о гравировке своих Вариаций WoO 67 на тему графа Фердинанда Вальдштейна и предлагает отослать с оказией рукопись этих вариаций из Вены в Бонн «к моему другу, графу Вальдштейну»²². Между тем Фациус сообщает Остерману из Бонна 26 июня (10 июля), что страну наводнили многочисленные беженцы из Австрийских Нидерландов: вереницы повозок беспрестанно движутся по направлению к Кёльну, и несчастные люди вынуждены ночевать на улицах, в том числе и в Бонне, а в военных госпиталях, развернутых в Кёльне и близ Бонна, находится 12 000 раненых и больных²³. Судьбы беженцев явно сильно волновали Фациуса, много работавшего ранее с переселенцами; он постоянно упоминал о бедствиях беженцев в своих посланиях к Остерману, который, разумеется, не мог

²² БП 1, № 11, С. 107.

²³ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письма № 45 и 46. Л. 21 об. и 24.

и не желал ничем помогать этим людям, это было вне его компетенции, полномочий и личных интересов.

Фациус тщательно отслеживает лихорадочные переезды курфюрста-архиепископа Кёльнского, того самого Максимилиана Франца, который отправил Бетховена в Вену совершенствоваться в мастерстве у Гайдна, а с марта 1794 года перестал выплачивать ему полагавшееся содержание. Не зная исторического контекста, трудно удержаться от упреков в адрес князя, который отказал гениальному музыканту в какой-либо поддержке и вообще крайне скептически отнесся к заверениям Гайдна в том, что «самые высокие милости, оказанные Вашей курфюрстской светлостью Бетховену, окупятся с лихвой»²⁴. Вероятно, Максимилиан Франц был неплохим правителем для мирного времени, но в военной обстановке его склонность к созерцательной жизни и полное отсутствие боевых качеств сыграли роковую роль в судьбе его княжества. Не обладая ни стратегическим мышлением, ни умением властно вести за собой людей, ни сильной политической волей, курфюрст метался из Бонна в Мюнстер и обратно, заезжая также в Ашаффенбург, но, похоже, его главной заботой было спасение собственной жизни (брату казненной на гильотине королевы Марии Антуанетты, безусловно, было чего опасаться) и сохранение материальных ценностей. В письме от 26 июля (6 августа) 1794 года, написанном уже из Ашаффенбурга, Фациус сообщал, что князь-

²⁴ БП 1. С. 106 (коммент. к № 10).

электор, готовый бежать из Бонна, уже переправил в Мюнстер все драгоценности, архивы и казну²⁵.

Очень интересно сравнить свидетельства об умонастроениях того времени, зафиксированные в репортажных депешах Фациуса и в письме Бетховена к Зимроку от 2 августа 1794 года, явно отправленном с оказией и потому написанном без оглядки на цензуру. Несмотря на шуточный и даже ёрнический тон, в письме Бетховена проскальзывает его симпатия к революции и революционерам:

«Я посулил Вам в предыдущем письме прислать что-нибудь из своих сочинений, и Вы истолковали это обещание как галантную фразу придворного кавалера. Чем заслужил я такой титул? Тьфу, кто же станет усваивать придворный диалект в наши нынешние демократические времена! Чтобы избавиться от навязанного Вами титула, я сразу же после предпринятого мною и близкого уже к завершению основательного пересмотра своих композиций пошлю Вам нечто такое, что непременно Вами будет вырезано на меди. <...> У нас тут очень жаркая погода; венцы опасаются, как бы не пришлось им в скором времени остаться без мороженого, так как зима была до того мягкой, что стало трудно раздобыться льдом. Здесь взяты под стражу различные видные люди и ходят слухи, будто должна была вспыхнуть революция. Но я полагаю, что покуда австриец располагает темным пивом и сосисками, он на восстание не поднимется. Отдан приказ,

²⁵ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письмо № 51. Л. 35 об.

чтобы после 10 часов вечера ворота, ведущие в предместья, были заперты. Солдаты зарядили ружья. Громко разговаривать нельзя, а то полиция предоставит квартиру»²⁶.

Между шутками по поводу гедонизма столичных жителей в письме Бетховена кратко говорится о раскрытии 21 июля 1794 года заговора «венских якобинцев». В ночь на 24 июля начались аресты руководителей тайной организации во главе с обер-лейтенантом Францем Гебенштрейтом. Под «видными людьми», которых Бетховен предусмотрительно не называет по именам, подразумевались сподвижники Гебенштрейта: барон Андреас фон Ридель (бывший воспитатель детей императора Леопольда II, в том числе и правившего с 1792 года императора Франца II), советник магистрата и поэт Мартин Йозеф Прандштеттер и другие²⁷. Скорее всего, с некоторыми из этих «видных людей» он был знаком – они вращались в венских литературных, артистических и интеллектуальных кружках, будучи либо поэтами, либо искусными полемистами. В январе 1795 года некоторые венские якобинцы (в первую очередь Гебенштрейт) были казнены через повешение, другие приговорены к длительным срокам тюремного заключения (амнистия, впрочем, последовала в 1802 году, но не все помилованные до нее дожили). Н. Л. Фишман полагал, что эти события вызвали появление второго варианта песни Бетховена «Свободный человек» WoO

²⁶ БП 1, № 12. С. 108–109.

²⁷ См., в частности: Reinalter, 2005.

117, у которой в Вене 1795 года не было ни малейших шансов на публикацию, но этот внутренний порыв красноречиво запечатлел отношение Бетховена к аресту и казни «видных людей». По мнению Фишмана, «Бетховен не простил этой казни императору Францу до конца своих дней; во всяком случае, его ненависть к императору была столь глубока, что в 1816 году он якобы сказал сыну Николауса Зимрока, Петеру, что такого негодяя, как император Франц, “надо бы повесить на первом хорошем дереве”»²⁸.

Почему казнь Гебенштрейта и его единомышленников должна была произвести шокирующее впечатление на Бетховена и всех прочих очевидцев, каких бы взглядов они ни придерживались, отчасти проясняется из депеши посла Андрея Кирилловича Разумовского к вице-канцлеру Остерману от 3 (14) января 1795 года. Разумовский сообщил, что казнь состоялась на Глацисе (пустыре под стенами Вены) три дня назад, то есть первого января, сразу же после празднования Нового года или даже одновременно с продолжавшимися праздниками. В Вене этому дню придавали особое значение. Если Рождество отмечали в церкви и у семейного очага, то Новый год непременно сопровождался публичными визитами, приемами, балами, подарками и поздравлениями. На улицах Вены царил веселое оживление, и, хотя многие небогатые люди сетовали на то, что новогодние праздники обходятся им слишком дорого (каждому лакею и посыльно-

²⁸ Фишман, 1982. С. 147.

му нужно было дать чаевые, не говоря уже о расходах на обязательные подарки родственникам, покровителям и друзьям), обычай соблюдался неукоснительно. Мрачное зрелище казни 1 января 1795 года резко нарушило эту хлопотную, но обычно радостную атмосферу. Более того, Разумовский обратил внимание на то, что смертный приговор был вынесен и исполнен вразрез с действовавшими на тот момент законами покойного императора Иосифа II, который отменил смертную казнь даже для государственных преступников²⁹. Следовательно, и Бетховен, и его сверстники успели вырасти и возмужать, не становясь очевидцами публичных казней. На фоне гуманного правления Иосифа II и Леопольда II те реки крови, которые лились в послереволюционной Франции, казались проявлением дикого варварства, и тут почти не было разногласий между поклонниками и противниками революционных идей. Разумовский, нисколько не сочувствуя революционерам, отметил хладнокровное мужество, с которым Гебенштрейт принял свою судьбу. В глазах же своих сторонников вождь венских якобинцев выглядел настоящим героем, а император Франц – предателем заветов Иосифа, поскольку устроил показательно жестокую и незаконную казнь в качестве зловещего новогоднего «подарка» жителям Вены.

Между тем Фациус занимал другую позицию и вполне одобрял действия императора. В депеше к Остерману от 1

²⁹ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 835. Депеша от 3 (14) января 1795. Л. 1–2.

(12) января 1795 года из Ашаффенбурга он сообщал, что туда прибыл некий офицер из Вены, сообщивший о раскрытии нового заговора. «К счастью, зачинщики схвачены, и остается надеяться, что это смертоносное племя будет, наконец, истреблено»³⁰. Антиреволюционные и антиреспубликанские взгляды Фациуса – отнюдь не формальная дань его официальному положению русского дипломата и подданного Екатерины II; таковы, по-видимому, были его собственные убеждения, хотя кровожадность ему, безусловно, претила. В депешах за 1794 и 1795 годы Фациус неоднократно именует наступающих на рейнские области французов «варварами», а вождей революции – «чудовищами». Он использует столь экспрессивные выражения, как «опустошительные орды варваров»³¹, и называет якобинцев «свирепыми врагами всего сущего»³², приравнивая их тем самым к дьяволу, «врагу человечества».

Среди его депеш обнаруживается поразительный документ в жанре, совершенно неподходящем для служебной, и тем более дипломатической переписки: сочиненное Фациусом на французском языке весьма длинное (26 катренов) стихотворение «Республика в воздухе», в котором он

³⁰ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1249. Письмо № 1. Л. 2.

³¹ Les hordes devastatrices des barbares (АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письмо № 52. Л. 38 об).

³² Ennemis ferores de la creation (АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письмо № 49. Л. 31 об).

сравнивает Французскую республику с воздушным шаром и предрекает ей печальную судьбу. Стихотворение, в котором используется весьма специфическая лексика («аэростатический баллон», «газ», «парашюты»), постепенно переходит в жанр политической инвективы против якобинства и внезапно завершается не просто апологией монархии, а дифирамбом в адрес Екатерины II³³. Никакой фактической информации этот стихотворный памфлет не содержит, видимо, Фациусу требовалось дать выход своим чувствам и заодно заявить о себе как о человеке, наделенном в том числе и литературными талантами (впрочем, по его письмам это и так видно).

При этом никаких иллюзий относительно ума, воли и военных способностей тех, кто противостоял в 1794 году французской «заразе», у честного и трезвомыслящего Фациуса не было. Находясь в гуще событий и будучи одновременно немцем по крови и русским подданным в силу собственного выбора, он мог позволить себе занимать позицию объективного наблюдателя, высказываясь о прусских и австрийских политиках и военачальниках вполне корректно, однако совершенно нелицеприятно. В описаниях Фациуса встречи и перемещения августейших особ, эрцгерцогов, принцев, курфюрстов и генералов выглядят хаотичными и бессмысленными. В письме от 7 (18) августа 1794 года он замечает: «Бе-

³³ Стихотворение *La Republique en l'air* приложено к письму от 7 (18) декабря 1794 года из Ашаффенбурга, полученному Остерманом 27 декабря (АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письмо № 76. Л. 94–96).

да возрастает еще и оттого, что враг действует по единому плану, в то время как союзники (Пруссия и Австрия. – Л. К.), похоже, никакого плана не имеют. У них нет ни согласия, ни энергии. Когда совершаются ошибки, одна из сторон возлагает вину за них на другую. Оставление Трира приписывают нехватке паролей у пруссаков. Смерть Робеспьера рассматривается как несчастье. Он был вроде тех заразных болезней, которые разрушительно действуют на другие, более многочисленные, инфекции и в конце концов уничтожают сами себя. Он представлял якобинскую Францию, но теперь власть там попала в руки бешеных (*engagés*), с которыми вряд ли стоит ожидать каких-то переговоров»³⁴.

Столь же честно и с искренней горечью Фациус описывает умонастроения жителей Бонна и его окрестностей, вполне характерные для молодежи из круга общения Бетховена. После сдачи французам Брюсселя и отступления из Рейнской области главнокомандующий австрийскими войсками фельдмаршал Кобург (Саксен-Кобург-Заальфельдский) выпустил 30 июля 1794 года печатное воззвание «Немецкие братья и друзья» (*Deutsche Brüder und Freunde*), в котором призывал жителей продолжать сопротивление, создавая народное ополчение и присоединяясь к армии: «Вставайте! Вставайте тысячами! И сражайтесь вместе с нами за ваши алтари, за ваше войско, за вашего императора – за вашу свобо-

³⁴ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письмо № 54. Л. 42 об.

ду!»³⁵ Однако «братья и друзья» (лексика обращения, заметим, перекликается с весьма популярной тогда «Одой к радости» Шиллера) отнюдь не спешили восторженно откликнуться на эти призывы. Фациус писал: «Эта прокламация вызвала некоторое движение, ибо электор Майнцкий (барон фон Эрталь. – Л. К.) приказал поставить под ружье 3000 рекрутов. Электор Кёльнский созвал свое правительство и отдал распоряжение о том, чтобы все его подчиненные и клирики скорейшим образом разъяснили обывателям неминуемую опасность и побудили их взяться за оружие. К несчастью, народ не проявил большого желания прислушаться к этим увещеваниям, и если французы с их превосходящими силами пожелают проникнуть дальше, принцу Кобургу придется противостоять им без подкреплений, со своей единственной армией»³⁶. Чуть позже, в депеше от 7 (18) августа 1794 года, Фациус развивает эту же тему: «Электор Кёльнский не встречает больше прежнего рвения в городах своего электората. Там заявляют, что французы ведут войну только против священников, знати и князей, а те не желают участвовать в обороне страны, прежде чем им не гарантируют полного запрета на конфискацию земельных владений знати и церкви. И нет никакой нужды сопротивляться врагу, кото-

³⁵ Экземпляр воззвания был приложен к депеше Фациуса от 16 июля (6 августа) 1794 года, в которой критически анализировался этот текст (АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письмо № 51, приложение. Л. 37–37 об.).

³⁶ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письмо № 52. Л. 39.

рый не угрожает ни крестьянам, ни горожанам <...>³⁷. Через неделю, 14 (25) августа 1794 года, Фациус сообщает: «В Бонне горожане вооружились, но лишь ради охраны своих собственных очагов, и чтобы их вразумить, нужно, чтобы представители церкви, знать и все привилегированные особы встали на стражу вместе с ними»³⁸. Идея вооружить жителей Бонна, раздав им оружие и патроны, обернулась фарсом (именно это слово использует Фациус в своей депеше): два чиновника не поладили между собой, а князь-архиепископ Максимилиан Франц, находившийся в безопасном отдалении, заявил, что ничего не знал о подобных намерениях.

Любопытно читать эти донесения, представляя себе друзей и бывших сослуживцев Бетховена, находившихся в это время в Бонне. Некоторые из них покинули город, когда обозначилась угроза войны или когда война стала реальностью (в частности, вслед за Бетховеном в Вену вскоре перебрались оба его брата, Карл Антон Каспар и Николаус Иоганн). Другие не могли или не хотели уезжать по разным причинам, хотя капелла, естественно, прекратила свое существование и постоянной работы у музыкантов больше не было. Николаус Зимрок остался в Бонне навсегда, будучи обременен большой семьей и, похоже, не ожидая для себя особых неприятностей со стороны французов. Впоследствии он довольно успешно занялся нотоиздательством, не брезгуя в том числе

³⁷ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письмо № 54. Л. 43 об.

³⁸ Там же. Письмо № 55. Л. 46.

и пиратством (Бетховен смотрел на это сквозь пальцы, а иногда и поощрял старого друга). Семья Рис также пережила самое трудное время в Бонне: скрипач Франц Антон Рис, глава семьи, один из наставников и старших друзей Бетховена, был уже немолодым человеком, а его сыновья, наоборот, еще слишком юны, чтобы попасть в рекрутский набор. Однако эта опасность, которой столь удачно избежал сам Бетховен (в 1790-х годах его вполне могли забрать в ту или иную армию), догнала Фердинанда Риса, ученика Бетховена, в 1805 году в Вене. Поскольку Рис находился в Бонне в момент заключения Люневильского мира 1801 года, когда город был официально объявлен французским владением, он волей или неволей сделался гражданином Франции. Повестка о призыве Риса во французскую армию была получена им осенью 1805 года, когда Австрия и Франция в очередной раз находились в состоянии войны и войска Наполеона приближались к Вене. Для австрийских властей Рис был иностранцем, вражеским подданным, обязанным в военное время немедленно покинуть город, а французы ожидали увидеть его на призывном пункте в Бонне, куда он был вынужден добираться с огромными трудностями³⁹. История эта разрешилась относительно счастливо: из-за дефекта зрения его комиссовали и отпустили. Не столь драматично, но тоже переменчиво складывалась судьба близкого друга Бетховена, композитора и

³⁹ См. коммент. к БП 1. № 123. С. 263–264 (Бетховен просит княгиню Лихтенштейн оказать помощь «бедному Рису»).

флейтиста Антонина Рейхи (1770–1836), который после захвата Бонна французами бежал в Гамбург, а в 1799-м решил попытать удачу в Париже, но спустя несколько лет уехал в Вену, где тоже не добился успеха, и лишь после возвращения в Париж в 1808 году занял достойное место на французском музыкальном олимпе.

Судьбы Бетховена и его боннских друзей и знакомых оказались очень различными не только вследствие их профессиональных занятий, но и вследствие личного выбора, который иногда выглядел парадоксальным. Бетховен, невзирая на свои республиканские симпатии, в 1792 году отправился в имперскую столицу Вену, а вовсе не в революционный Париж.

Сыновья русских дипломатов из немецких семей Струве и Фациус пошли по стопам отцов и принесли присягу Екатерине II. Иоганн Кристофор Фациус долгое время служил секретарем отца; в марте 1794 года он был назначен переводчиком при отце⁴⁰, а позднее сделал успешную самостоятельную карьеру⁴¹. Из всей многочисленной семьи «русско-

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1248. Письмо № 27. Л. 37. Письмо № 25. Л. 59.

⁴¹ Согласно информации на сайте Генерального консульства РФ в Бонне (<http://www.ruskonsulatbonn.de>), Иоганн Кристофор Фациус «был российским консулом в Лейпциге (1798–1800 гг.), с 1800 по 1811 г. – консулом, а с 1811 по 1812 г. – генконсулом в Кенигсберге (Пруссия). После его смерти в 1812 году император Александр I подписал указ о назначении пожизненных пенсий его сестрам и младшему брату Фридриху – за заслуги отца и брата (в записке МИД России по этому вопросу отмечалось, что Фациус-старший прослужил в ведомстве 32 года, а сын – 31 год – «с отличием»)».

го агента» Фациуса прочнее всего с Бонном был связан Леонард, несомненно, входивший в круг общения Бетховена. Об этом косвенно свидетельствует запись Леонарда, украшенная его собственноручно выполненным силуэтом⁴², сделанная между 1790 и 1794 годами в альбоме их общей приятельницы, первой боннской красавицы Барбары Кох, предмета тщетных воздыханий многих боннских юношей (в 1802 году она вышла замуж за графа Антона фон Бельдербуша). Леонард покинул Бонн вместе с отцом в конце июля 1794 года и затем помогал Фациусу-старшему в его делах, выполняя различные поручения. Осенью 1797 года он приехал в Петербург для сопровождения бронзовой группы для фонтана в Гатчине. Скульптуры были приобретены неутомимым Иоганном Фациусом в Нюрнберге. Фациус-старший получил одобрение вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина и со всеми необходимыми счетами и документами переправил их под присмотром сына в Гатчину, однако там никто не спешил заниматься их установкой, и Леонард Фациус, оказавшись на чужбине без денег и покровителей, жаловался Куракину в письме от 9 ноября 1797 года на свое бедственное положение⁴³. Как удалось выяснить П. Г. Сербину, в Петербурге он оставался как минимум до августа 1798 года⁴⁴.

⁴² Braubach, 1995. S. 101.

⁴³ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1259. Л. 1–1 об.

⁴⁴ Эти сведения были сообщены мне в личной переписке.

После 1794 года никаких контактов Бетховена с членами семьи Фациус не прослеживается. Единственный профессиональный музыкант из этой семьи, Иоганн Генрих, сумевший оставить след в русской музыкальной культуре, вряд ли что-либо знал о Бетховене, поскольку уехал из Бонна, когда Людвиг был совсем ребенком, а в России начала 1800-х годов имя Бетховена еще не было достаточно известно; музыка Бетховена начала публично исполняться в Москве и Петербурге уже после 1812 года⁴⁵.

История семьи Фациус интересна сама по себе, даже вне связи с Бетховеном. Но, как уже упоминалось, эта семья много лет дружила с семьей Струве, один из представителей которой был в юности близким другом Бетховена.

⁴⁵ Григорович, 1972. С. 311–312.

Вена. Панорама города в XVIII веке.
Фрагмент

Семья Струве

В 2012 году в Гамбурге было обнаружено неизвестное ранее письмо Бетховена, адресованное из Вены в Санкт-Петербург начинающему дипломату Генриху фон Струве (1772–1850). Письмо датировано «17 сентября», год написания – 1795 – легко устанавливается по содержанию. Столь ранних писем Бетховена сохранилось очень немного. К тому же письмо к Струве содержит чрезвычайно важные подробности, касающиеся личности и биографии Бетховена, так что интерес к находке изначально был очень велик.

Автограф письма Бетховена к Струве был частично опубликован в 2012 году в аукционном каталоге антикварной фирмы «И. А. Штаргардт» в Берлине и продан тогда же с аукциона неназванному покупателю за 140 000 евро⁴⁶. В случаях приобретения того или иного раритета анонимным коллекционером нередко случается так, что документ на долгие годы исчезает из обращения, и лишь избранные специалисты, имеющие личные связи в кругах собирателей автографов, иногда получают доступ к оригиналу на условиях строгой конфиденциальности. В новом боннском собрании переписки Бетховена, выпущенном в свет под редакцией Зигхарда Бранденбурга в 1996–1998 годах, можно обнаружить немало таких примеров: в комментариях говорится,

⁴⁶ Stargardt, 2012. № 589. S. 320. № 14a.

что текст публикуется по оригиналу, хранящемуся в частной коллекции, но местонахождение коллекции никогда не указывается⁴⁷. Видимо, письмо к Струве вызвало такой интерес у всех, кто занимается жизнью и творчеством Бетховена, что владельца, сохранившего свое инкогнито, удалось склонить к передаче ценного документа Дому Бетховена в Бонне. В соответствии с благородной политикой Дома Бетховена оригинал оцифрован, расшифрован и доступен для просмотра онлайн⁴⁸.

При публикации в 2016 году четвертого тома отечественного собрания писем Бетховена мне были доступны лишь первая и последняя страницы письма, фигурировавшие в аукционном каталоге. В этом неполном виде перевод письма был помещен в Дополнении к последнему тому этого издания⁴⁹. Перевод полного текста был опубликован мною в 2019 году и подробно прокомментирован в журнале «Старинная музыка»⁵⁰, но для ясности дальнейшего изложения приведу его и здесь, опустив немецкий текст подлинника.

Вена, 17 сентября [1795]

⁴⁷ ВГ 1. № 58, 60, 131.

⁴⁸ Электронный адрес сайта ДБ: <https://beethoven.de>.

⁴⁹ БП 2. С. 690–693.

⁵⁰ Кириллина Л. В. Новые штрихи к биографии Бетховена // Старинная музыка. 2019. № 2. С. 1–10.

Мой дорогой! То, что ты мне написал сюда, бесконечно меня порадовало. Ведь я и предположить не мог, что ты теперь находишься в холодной стране, где людей ценят куда ниже, чем они того заслуживают. Не сомневаюсь, тебе там встретится немало такого, что будет претить твоему образу мыслей, твоему сердцу и вообще всему строю твоих чувствований. Настанет ли время, когда вокруг останутся лишь настоящие люди? Мы, наверное, сможем наблюдать приближение этого счастливого момента лишь в отдельных краях, но повсеместно – нет, такого мы не увидим, для этого, пожалуй, должны пройти еще столетия.

Мне хорошо понятна боль, которую тебе причинила смерть твоей матери. Ведь и я уже дважды оказывался в подобном положении после смерти моей матери и моего отца. Поистине, кому бы не стало больно, когда насильственно изымается часть столь редкостного гармоничного целого? – О смерти можно говорить без неприязни, лишь только если представлять ее себе в виде улыбчивого, мягко влекущего к сновидениям образа, и тогда покоровившийся ему окажется только в выигрыше.

Мне здесь живется пока хорошо, я приближаюсь к наметенным мною целям. Как скоро я отсюда уеду, определить точно я еще не могу. Мое первое путешествие должно быть в Италию, затем, вероятно, в Россию. Ты, надеюсь, непременно напишешь мне, во сколько обойдется путь отсюда в П[етербург?], ведь я намерен послать туда кого-нибудь как

можно скорее. Твоей сестре я вскоре пришлю кое-какие мои музыкальные произведения. Профессор Штупп из Бонна тоже тут. Привет тебе от Вегелера и Брейнинга⁵¹. Прошу тебя, пиши мне как можно чаще, и пусть твоя дружба ко мне не уменьшится из-за расстояния.

Остаюсь навсегда твоим, как и прежде, любящим тебя
Бетховеном.

Прежде чем анализировать это письмо, необходимо рассказать о семье Струве, которая оставила заметный след в русской политике, культуре и науке XVIII–XX веков.

Род Струве был весьма многочисленным и разветвленным. Семья, которую Бетховен назвал в письме «редкостно гармоничным целым», происходила из Магдебурга, но с 1747 года была связана с Регенсбургом. Отец семейства, Антон Себастьян Струве (1729–1802), получив солидное университетское образование, поступил в 1755 году на службу к герцогу Карлу Петеру Ульриху Шлезвиг-Гольштейн-Готторпскому – сыну старшей дочери Петра I Анны. Императрица Елизавета Петровна, как известно, избрала своим наследником сына рано умершей сестры, и в 1762 году голштинский герцог стал императором Петром III, а Струве оказался на русской службе: Петр III назначил его секретарем дипломатической миссии при регенсбургском рейхстаге. В

⁵¹ Вероятно, подразумевается Лоренц фон Брейнинг, который изучал в Вене медицину в 1794–1797 годах. Его брат Стефан приехал в Вену в декабре 1795 года, то есть после написания письма к Струве. Бетховен считал их обоих своими ближайшими друзьями, как и Вегелера.

Регенсбурге, как мы уже знаем, Струве общался и дружил с Иоганном Фациусом; дружеские отношения сохранялись и после их расставания. По-русски Струве именовался «Антон Севастьянович Штруве», однако русского языка он не знал, при его должности в этом не было необходимости. За долгую и плодотворную службу во времена царствования Екатерины II он стал кавалером Св. Владимира 4-й степени и имел титул статского советника. В 1799 году А. С. Струве вышел в отставку.

В 1756 году Антон Струве женился на Софии Доротеи Реймерс (1735–1795) – старшей дочери секретаря Гольштейн-Готторпского посольства в Регенсбурге Николауса (Клауса) Реймерса – начальника Фациуса до его назначения «русским агентом». В этом браке родилось двенадцать детей; взрослых лет достигли три дочери и шестеро сыновей. В момент написания комментируемого письма мать семейства, София Доротея, уже умерла (это случилось 21 мая 1795 года). Из сестер Генриха Струве здравствовали тогда старшая, Катарина Элизабет (1759–1838), которая была замужем за Кристофом фон Зельпертом, и младшая – Филиппина Розина Элизабет (1775–1819), вышедшая замуж за Франца Фердинанда фон Грюна. Скорее всего, именно ей Бетховен обещал прислать из Вены ноты своих новых сочинений. Возможно, подразумевались три Трио op. 1, вышедшие в свет в Вене летом 1795 года, или более ранние публикации произведений, не обозначенных опусами, – таковыми были вари-

ационные циклы WoO 40, WoO 66, WoO 67.

Еще одна сестра Струве, Сусанна Мария, скончалась в Бонне в марте 1789-го (дата ее рождения неизвестна). В первом браке, заключенном в 1777 году, она носила фамилию Кауфман, а овдовев, стала в 1782 году женой дипломата Иоганна Людвига Дёрфельда (1744–1829), секретаря британского посла в Бонне⁵². Дёрфельд также входил в круг общения молодого Бетховена, хотя был намного старше композитора.

Практически вся семья Струве, не только отец и его сыновья, но и дочери, благодаря их мужьям или детям, имела отношение к дипломатии. Все пятеро сыновей Катарини Элизабет и Кристофа фон Зельперта поступили на службу в российскую Коллегию иностранных дел⁵³.

В 1787 году на дипломатическую службу были приняты трое сыновей Антона Себастьяна, которые находились еще в очень юном возрасте; к своим должностным обязанностям они приступили, завершив университетское образование.

В Регенсбурге долгие годы служил старший сын Антона Себастьяна Струве – титулярный советник Иоганн Густав (Густав Антонович) Струве (1763–1828)⁵⁴. Следующий по старшинству брат, Георг Струве (1766–1831), работал в

⁵² Schmidt, Voig, 1829–1831. Bd. 1. S. 124; Braubach, 1995. S. 142.

⁵³ Springer, [1795]. S. 20.

⁵⁴ Месяцеслов, 1796. С. 53.

русских дипломатических миссиях при немецких дворах, в частности был советником русского посольства в Веймаре (напомним, что супругой наследного принца, впоследствии великого герцога Карла Фридриха Саксен-Веймарского, с 1804 года была великая княгиня Мария Павловна, сестра императора Александра I). Еще один брат, Кристиан Струве (1768–1812), в 1805 году отправился в составе русского посольства во главе с графом Юрием Александровичем Головкиным (1762–1846) в Китай, однако по ряду причин миссия не увенчалась успехом и даже не была доведена до конца: делегация добралась лишь до Монголии и вернулась обратно⁵⁵. Наконец, Август Вильгельм Струве (1770–1838) служил в Петербурге в государственном почтовом ведомстве в невысоком чине коллежского асессора; насколько нам известно, дипломатом он не стал.

На этом фоне биография друга Бетховена, Генриха фон Струве, выглядит вполне характерной для этой семьи, причем одной из самых удачных в карьерном отношении. Познакомимся же с этим человеком поближе.

Генрих (Генрих Антонович) фон Струве (1772–1850) ро-

⁵⁵ Кристиан Струве был назначен в состав посольства 8 июня 1805 года и вернулся в Петербург 18 декабря 1806 года. (См.: Баснин, 1875. С. 6.) Через некоторое время после возвращения, 28 февраля 1807 года, К. Струве опубликовал статью в № 22 Sankt Petersburgische Zeitung, в которой рассказывалось о фактическом провале этой миссии. Сходная статья под названием «Географические эфемериды» появилась затем и в одной из берлинских газет, и подозрение в разглашении сведений о неудачном посольстве пали на Струве (Там же. С. 103).

дился в Регенсбурге, изучал право в Эрлангене и в Бонне. Предполагается, что в Бонн он приехал в начале 1789 года, затем задержался в связи с кончиной сестры Сусанны и по каким-то причинам решил остаться в городе и завершить свое образование в местном университете. Не исключено, что там он и познакомился с Бетховеном. Ведь Бетховен под влиянием друзей тоже записался в 1789 году в студенты Боннского университета (на философский факультет). Хотя он вряд ли имел возможность посещать занятия из-за своих многочисленных служебных и семейных обязанностей, сама атмосфера боннского университета оказала на него очень сильное и благотворное влияние. Под покровительством князя-архиепископа Максимилиана Франца этот новый университет, основанный в 1784 году и торжественно открытый в 1786-м, оказался очагом вольнодумства, процветавшего как среди профессоров, так и среди студентов. Первое здание университета располагалось на Боннгассе, недалеко от дома, в котором родился Бетховен, хотя в 1780-х годах он там уже не жил. С профессорами и студентами Бетховен общался не только в стенах университета и в находившейся рядом с ним церкви иезуитов (она считалась университетской), но и в целом ряде публичных мест: в Обществе любителей чтения, в придворном театре, в винном погребе и книготорговой лавке вдовы Анны Марии Кох на Ратушной площади, в домах видных боннских жителей, собиравших у себя любителей музыки и литературы.

Струве оказался в ряду близких друзей Бетховена, проводивших его в конце октября 1792 в Вену. Время было очень тревожное: ожидали, что Бонн вскоре будет захвачен французскими войсками; двор Максимилиана Франца покинул город 22 октября; по-видимому, уехали и члены придворной капеллы (в альбоме Бетховена совсем нет записей его коллег по капелле, что в иной ситуации выглядело бы очень странно). Прощание Бетховена с боннскими друзьями длилось с 29 октября по 1 ноября 1792 года; 2 ноября он отправился в Вену и больше никогда на родине не был.

Струве оставил в альбоме Бетховена следующую запись, датированную 30 октября:

Предназначение человека.

Признавать Истину, любить Красоту,

желать Добра, совершать Благое.

Думай иногда, даже находясь вдалеке, о твоём верном и неизменном

друге Генр[ихе] Струве из Регенсбурга, состоящем на Русской Импер[аторской] службе.

Ниже помещалось символическое изображение двух переплетенных венков (первого – из роз, второго – из виноградной лозы) и объяснение рисунка:

Символ. После цветения юности пожинай в зрелом воз-

*расте плоды мудрости*⁵⁶.

Запись Струве была полностью выдержана в традициях своего жанра; большинство памятных напутствий в альбоме Бетховена примерно таковы и включают в себя некое красивое изречение (иногда это поэтические строки), символическую миниатюру (при умении автора записи рисовать), несколько слов «от себя» и подпись. Бетховен сам неоднократно создавал подобные записи в альбомах своих подруг и друзей, особенно в юности – с поэтическими цитатами, но без рисунков. Сохранились, в частности, его запись в альбоме Жаннеты (Иоганны) Хонрат из Кёльна (датируется периодом до октября 1792 года) с цитатой из стихов Готфрида Августа Бюргера, запись в альбоме венской любительницы музыки Теодоры Иоганны Вокке (22 мая 1793 года) с цитатой из «Дона Карлоса» Фридриха Шиллера, запись в альбоме любимейшего из боннских друзей Лоренца фон Брейнинга (1 октября 1797 года) с еще одной цитатой из «Дона Карлоса»⁵⁷. При всей этикетности подобных альбомных сувениров по ним можно понять, какие идеи считались у молодежи 1790-х годов достойными цитирования и каков был круг любимых авторов.

В первых строках своего напутствия Струве привел изречение философа Моисея Мендельсона (1729–1786) – деда

⁵⁶ Braubach, 1995. S. 23.

⁵⁷ БП 1. № 2а, 5, 22 и др.

композитора Феликса Мендельсона-Бартольди (1809–1847). Это изречение к 1790-м годам превратилось в крылатое выражение и часто приводилось либо с кратким указанием авторства, либо вообще без ссылки на источник, как и сделал Струве. Бетховен в своих альбомных записях также обычно не указывал авторов цитируемых строк, рассчитывая на полное понимание адресатов, читавших те же самые книги. Между тем напутствие Струве явно перекликается со второй частью записи Бетховена в альбоме Вокке: «Творить добро, где только можно, любить свободу превыше всего; за правду ратовать повсюду, хотя бы даже перед троном» (Wohl thun, wo man kann, Freiheit über alles lieben, Wahrheit nie, auch sogar am Throne nicht verleugnen). Первая часть этой записи давно уже идентифицирована исследователями как цитата из «Дона Карлоса» Шиллера, явно истолкованная молодым Бетховеном как его собственный портрет: «Поверьте мне, пылающая кровь – мое злонравье, юность – преступленье. В чем грешен я? Пускай я бурным вспышкам подвержен, все ж я сердцем добр»⁵⁸. Но относительно процитированного выше продолжения, говорящего о свободе и правде, никаких гипотез пока нет. Эта сентенция явно не придумана самим Бетховеном, а тоже является цитатой, очень близкой по смыслу высказыванию Мендельсона, приведенному в записи Струве. Говоря в своем письме о «строе мыслей» и «чувствова-

⁵⁸ Дон Карлос, инфант Испанский. Драматическая поэма. В кн.: Шиллер Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1959. Акт 2, сцена 2.

ний» Струве, Бетховен, несомненно, имел в виду те самые прекраснодушные идеалы, которые распространялись в виде звонких цитат в среде боннских мечтателей эпохи Просвещения – ученых, студентов, артистов, интеллектуалов, молодых свободомыслящих аристократов.

Упомянутый в комментируемом письме боннский юрист Иоганн Райнер Штупп (1767–1825), который по возрасту был немногим старше Бетховена, уже имел ученую степень, но, вероятно, был со студентами на дружеской ноге. Имя Штуппа в опубликованной до сих пор переписке Бетховена встречается лишь однажды, и то не в письме самого композитора, а в письме Вегелера к нему из Кобленца от 28 декабря 1825 года. В этом письме Вегелер, в частности, сообщал Бетховену: «Из наших знакомых: три недели тому назад умер советник Штупп; Фишених – государственный советник в Берлине; Рис и Зимрок – два милых старика, однако здоровье второго куда хуже, нежели первого»⁵⁹. Бартоломеус Фишених, как и Штупп, принадлежал к молодой боннской профессуре прогрессивных убеждений (Фишених был другом семьи Шиллера). О контактах Бетховена со Штуппом мы ничего конкретного не знаем, однако то, что композитор считал необходимым сообщить в 1795 году Струве о его приезде в Вену (к тому же выделив фамилию подчеркиванием), а через тридцать лет Вегелер, в свою очередь, сообщил Бетховену о смерти Штуппа, свидетельствует о том, что между

⁵⁹ BG 6, № 2100.

ними могли существовать довольно теплые отношения. Так что это письмо позволяет протянуть еще одну сквозную нить от молодости Бетховена к его поздним годам.

На родине, несмотря на все трудные обстоятельства его юности, Бетховен ощущал себя в кругу единомышленников и мог откровенно делиться с ними своими мыслями и чувствами, как и они с ним. Это показывает краткий, но выразительный пассаж из комментируемого письма, в котором речь идет об утрате родных и об отношении к смерти. Семью Бетховена, в отличие от дружной и любящей семьи Струве, трудно назвать «гармоничным целым». Но вряд ли он был неискренен, признаваясь другу, что горевал не только после смерти матери, но и после смерти отца. Иоганн ван Бетховен умер 18 декабря 1792 года, когда Людвиг уже находился в Вене. Биографы, полагающие, что Бетховен на всю жизнь сохранил стойкую неприязнь, если даже не ненависть к отцу, превратившемуся к концу жизни в жалкого опустившегося пьяницу, не дают себе труд представить, что могло твориться в душе юноши, который в 22 года остался круглым сиротой в чужом городе – без родных, без денег, без близких друзей и поначалу без покровителей⁶⁰. Ведь Бетховен помнил Иоганна и другим, каким тот был в свои лучшие годы. Детство Людвига отнюдь не было сплошь безрадостным. Дом,

⁶⁰ В частности, в монографии Майнарда Соломона неоднократно говорится о «ненависти» и «презрении» Бетховена к отцу и о том, что он безжалостно покинул его в 1792 году, зная, что отец неизлечимо болен (Solomon, 1977. P. 32, 43).

полный музыки и друзей, веселые семейные праздники, прогулки и игры на берегах Рейна, летние странствия вместе с отцом по живописным окрестностям Бонна – их с удовольствием принимали в небольших замках и усадьбах, где они давали концерты на радость провинциальным аристократам. Нет оснований не доверять свидетельству Фанни Джаннатазио дель Рио, которая много общалась с Бетховеном в 1816 году: «О своих родителях он говорил с большой любовью и уважением, и особенно о деде, которого называл человеком чести»⁶¹. Что касается отношения к отцу, то о вероятном посмертном примирении с ним может свидетельствовать карандашная помета Бетховена, сделанная на копии партитуры «Утренней песни» (Morgengesang) К. Ф. Э. Баха, выполненной Иоганном: «Написано моим дорогим отцом»⁶².

Рассуждения молодого Бетховена о смерти («О смерти можно говорить без неприязни, лишь только если представлять ее себе в виде улыбчивого, мягко влекущего к сновидениям образа») кажутся в гораздо большей мере общим риторическим местом, чем предыдущее признание в своей скорби по утраченным родителям. По крайней мере, в ранних сочинениях Бетховена мы никакого «улыбчивого» и «влеку-

⁶¹ Kerst 1. S. 216. Фанни – старшая дочь Каетана Джаннатазио дель Рио, владельца частного пансиона в Вене, в котором обучался племянник Бетховена Карл. Навещая племянника, Бетховен часто бывал в их семье.

⁶² Этот раритет был подарен в 1893 году боннскому Дому Бетховена Иоганнесом Брамсом. В настоящее время партитура оцифрована и доступна онлайн на сайте музея (шифр ВН 93).

щего к сновидениям» образа смерти не найдем, хотя эта тема возникает в его творчестве уже в 1790-е годы, прежде всего в вокальной музыке. Самое значительное из написанного в Бонне – Кантата на смерть императора Иосифа II WoO 87, 1790, – обрамлена мрачно-величественным оркестрово-хоровым порталом: «Мертв! Мертв!» (Todt! Todt!). Начальные аккорды вступления, звучащие как траурный набат, отозвались позднее в самых знаменитых произведениях «героического периода»: опере «Фиделио» (вступление ко второму акту) и увертюре «Кориолан» ор. 62.

Интересно, однако, сравнить процитированную сентенцию о «мягкой» смерти с высказываниями других современников, чтобы понять, насколько она была в духе эпохи позднего сентиментализма, причем независимо от того, принадлежали ли такие суждения католикам или протестантам (семья Струве исповедовала лютеранство). Так, Антон Себастьян Струве, потеряв в 1795 году любимую жену, принялся записывать для себя самого морально-философские рассуждения на латинском языке, которым он с юности мастерски владел, будучи страстным поклонником античных авторов. В биографии, составленной его сыновьями, приводятся некоторые из таких высказываний:

«Мудрец не находит ничего ужасного в смерти, которая может случиться в любой день из-за житейских случайностей и которую из-за краткости нашей жизни долго ждать не придется. Я осознал, что никогда не был особенно привязан

к жизни.

Самое желанное – воссоединиться с усопшими, которых мы любили в этой жизни, и радоваться вместе с ними вечно-му существованию, уготованному нам, если мы жили славно и умерли охотно. О поистине блаженная жизнь, о желанная смерть, открывающая нам врата к счастливейшей жизни!»⁶³

Сравним эти записи с известными фрагментами из писем Моцарта к отцу, в которых он говорит о смерти матери (к отцу из Парижа, 9 июля 1778 года) и рассуждает о смерти вообще (к отцу из Вены, 4 апреля 1787 года). В обоих случаях Моцарт уверяет отца, что мысль о смерти несколько его не страшит («когда угодно господу, тогда угодно и мне»⁶⁴), напротив, он считает ее «истинным, лучшим другом Человека», и в ней нет «не только ничего пугающего, – но очень много успокоительного и утешительного!...»⁶⁵. Возможно, эти высказывания Моцарта были призваны смягчить горе Леопольда от утраты любимой жены и примирить его с неизбежностью собственной смерти (второе из писем было написано в период неизлечимой болезни Леопольда). Но Моцарт, очевидно, желал бы относиться к смерти именно так, хотя, судя по горестной и страстной музыке его «Реквиема», ему не всегда это удавалось.

⁶³ Struve, 1802. S. 14–15.

⁶⁴ Моцарт, 2006. № 462. С. 136.

⁶⁵ Там же. № 1044. С. 421. В публикации сохранены особенности моцартовской орфографии и пунктуации.

Бетховен, конечно, не знал ни приведенных здесь высказываний Моцарта, ни записей Струве-отца, но пытался смягчить скорбь своего друга в сходных выражениях. Как и цитаты из стихов любимых поэтов или крылатые афоризмы популярных философов, подобные мысли были общим местом культуры конца XVIII века. В молодости, да и позднее, гораздо более характерным для Бетховена было не смиренное принятие смерти, а героическое противостояние ей. «Жалок тот, кто не умеет умирать! Я знал это еще пятнадцатилетним мальчиком», – сказал он однажды Фанни Джаннатасио дель Рио⁶⁶. В самом проникновенном и тщательно отделанном в литературном отношении документе из эпистолярия Бетховена, «Гейлигенштадском завещании» 1802 года, обе моральные парадигмы – принятие смерти и противостояние ей – естественным образом соединяются. В конце этого исповедального письма, обращенного к братьям Карлу и Иоганну, Бетховен писал: «Итак, решено: с радостью спешу я навстречу смерти. <...> Явись когда хочешь, я тебя встречу мужественно»⁶⁷.

В 1795 году Бетховен, утешая друга, еще не подозревал, какой страшный недуг ему уготован и насколько скоро ему придется стать героем настоящей трагедии: трагедии гениального музыканта, постепенно теряющего слух. Его карьера

⁶⁶ Эти слова приведены в ее дневнике, то есть были записаны по свежим следам. Kerst I. S. 215.

⁶⁷ БП 1. № 64. С. 185.

шла в гору, и слова из письма к Струве – «Мне здесь живется пока хорошо, я приближаюсь к намеченным мною целям» – полностью отражали реальное положение дел. Несколькими месяцами позднее, 19 февраля 1796 года, Бетховен писал брату Иоганну из Праги: «Дела мои идут хорошо, как нельзя лучше. Своим искусством я обретаю друзей и уважение, чего же большего мне еще желать?»⁶⁸ Еще чуть более года спустя Бетховен почти в тех же словах сообщал о своих успехах Вегелеру в Бонн в письме от 29 мая 1797 года: «Дела мои идут хорошо, и я могу даже сказать – всё лучше»⁶⁹

⁶⁸ Там же. № 17. С. 115.

⁶⁹ Там же. № 21. С. 122.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.